

ДМИТРИЙ ВОРОН

КНИГА ОБИД
КАРАК-АЗУМ

ГРОМРИЛОВЫЕ
КРУЖКИ

Империя Гномов в руинах и бесчисленные орды Зеленокожих бесчинствуют в чертогах древних крепостей...

Но невозможно вечно жить с опущенными в землю глазами. Пришло время оглядеться по сторонам и сражаться. Сражаться за свой народ, даже если все вокруг лишилось камня в сердце. И Молотобоец Торвальд, бывший Страж Восьми-Пиков-Карака, отправился на поиски обездоленных сородичей.

КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ МАРИ MOISON

*За разделение чувства
магического времени...*

**Поступай так, словно это сон. Действуй смело и не ищи оправданий.
Карлос Кастанеда**

Предисловие

Гномы – одна из старейших рас известного мира. С давних времён они жили в Краесветных горах, обширной и неприступной горной цепи, отмечающей восточные границы Старого Света. В древности, среди высоких горных пиков и бездонных ущелий, гномы строили огромные подземные дворцы-крепости. В лучшие времена их владения простирались от крайнего севера до дальнего юга, а их шахты тянулись в самую глубину земли. Эти славные дни давно в прошлом, многие крепости лежат в руинах или захвачены злыми тварями. Великие свершения древности теперь не более, чем воспоминания, о которых в залах немногих оставшихся крепостей поют древние саги.

Собрания некоторых древних гномьих владык имели легендарные размеры. Даже теперь богатства оставшихся гномьих крепостей являются великой приманкой для орков, гоблинов и искателей приключений, но гномы чрезвычайно стойкий народ, и их крепости обычно выдерживают проверку временем. Впрочем, за тысячелетия несколько великих и гордых крепостей пали под ударами орков и других захватчиков, их народы рассеялись или были убиты, а их сокровища разграблены и растащены по всему миру.

Гномы одинаково хорошо помнят и друзей и врагов. Они держат слово, даже когда выполнение обязательства втягивает их в войну, и вследствие этого являются весьма ценным союзником. Едва кто-то сделал гнома своим недругом, он получает врага не только для себя, но также и для своих потомков. Гномы не забывают обид, они их хранят, записывая все провинности и прегрешения в больших книгах, называемых Книги Обид, так что каждое оскорбление со временем должно быть отомщено...

Кланы вернулись с войны из близлежащего Перевала Чёрного Огня. Победные горнь возвестили об их прибытии. Вместе гномы и люди надеются сковать союз и изгнать зеленокожих с запада. Много тех, кто заснет сегодня в гробницах, но и много обид, за которые отплачено кровью зеленокожих...— летопись Дамаз-Крон

После говорили, что незнакомец пришёл по каменистому ущелью Звериных Черепов. Звали его Торвальд Бургас.

В левой руке у гнома была лишь секира дровосека, ржавая, но острая, насколько позволяло никудышное человеческое железо. А другой рукой, усеянной уродливыми

шрами и ожогами, он волочил железный сундук по каменистому подножию гор Карак-Азум.

В каждой пяди этого гнома был виден клан с Восьми-Пиков-Карака. Высокий, крепкий, одетый в тяжёлую кольчугу. Хотя, казалось, он к её весу был привыкший. Притом, что на лице у него была густая спутанная борода и длинный волос спадал до плеч. С виду незнакомец провёл в пути уже множество дней.

Торвальд вошёл в деревню гномов, уверенно и молча. Никто не преградил ему путь. Никто из встреченных гномов не сказал ни слова. Ведь те, кто выходили из ветхих каменных лачуг, взглянуть на чужака, уступали ему как в силе духа, так и в мастерстве. И воин об этом знал.

Деревня Кил-Азар, как и другие семь деревень подножия гор Карак-Азум, прозябала свою жизнь в бедности не присущей народу гномов. Подобия шахт, что встретил Торвальд на пути, казались страшным сном древних Долгобородов — предков, что возвели стены "Вечного царства", и рунным молотом крошили черепа орков в Пустошах зеленокожих. Теперь империя Караз Анкор в руинах. Но даже истерзанные войной горны цитаделей, не сравнятся в ничтожности с слабой, бедной деревней, представшей перед ним.

Звон молотов вдали затих, на торговых прилавках и без того жутко тихо...

Он остановился в центре поселения, напротив самой большой лачуги — внушительный вид дома свидетельствует о том, что мастерство его хозяина востребовано. Все живущие в Кил-Азар стали толпиться вокруг, не шептались, смотрели на незнакомца с тревогой и опасением. Даже сейчас, когда гном обвёл взглядом сбившихся в толпу оборванцев, он не увидел искры и желания молвить хоть слово.

Торвальд отпустил поднятую сторону сундука с грохотом на землю, подняв тем самым в воздух облако пыли. А после, крепче сжал свой горе-топор.

— Неужели... — сказал он спокойно, но голос его прогремел среди безмолвия и эхом отозвался в горах. — Неужели никто в этой заднице не скажет мне хоть слово?

Тишина. Гномы лишь переглянулись, а Торвальд хмыкнул и продолжал:

— Грунгни Великий! Разве нет среди вас дави, что преградил бы мне путь, а? Я вас спрашиваю, вы дерьмо грязных гроби! Неужели вы уронили свою честь, а нанесённая обида сейчас же не будет отомщена?!

Торвальду показалось, будто бороды мужчин встопорщились от ворчания. Мнилось будто вот-вот кто-то из этого отребья возьмётся за молот и в справедливой ярости набросится на незнакомца, напоив эти выжженные солнцем земли кровавым мессивом из его мозгов.

Но Торвальду показалось.

С каждым словом глаза окружающих тускнели точно Лунный камень с рассветом. Женщины прижимали к груди детей с надеждой смотря на мужчин. Смотрели, как они подметают землю и без того пыльными бородами, как отводят взоры, пытаясь скрыть охватившие их стыд и позор. Один за другим эти дави склонили головы, как презренные животные перед хозяином. Перед ним.

"Они не достойны носить бороды", — подумал он горько и закрыл глаза. — "О предки! Это больше не камни, а презренная глина!"...

Когда-то и он, Торвальд житель Восьми пиков, жил в более благодатном краю. Он размахивал молотом среди скалистых предгорий Железных холмов и Караз-а-Карака, прищуривая глаза от яркого солнечного света и брызг вонючей крови зеленокожих с начала

время именуемых его народом мерзкими "Гроби". Когда-то его народ был един. Плечом к плечу сражались они и единой лавиной железа катилась волна смерти со склонов, стремительно побеждая дикарей. Вместе они пировали у очагов, отмечая очередную кровавую победу, в то время как их дети дремали за неприступными стенами крепостей, повторяя во сне подвиги отцов.

И остались те неукротимые воины, готовые сражаться до смерти не примирившись с потерями. Они где-то там, за Пустошью на востоке, среди хребтов Караз-Анкора и на севере, за землями людей Порубежных Королевств, в Карак-Норне, что зовутся пиками Серых гор. Пусть они закрылись в своих крепостях, пусть даже погибнут так и не собравшись в единую силу, но ни один гном не уступит там пяди своей земли, не пролив при этом своей или вражьей крови.

Но эта, жалкая горстка кланов гномов, сумевшая пережить те чёрные дни поражений и скорби, прозябала у бедного подножия гор Карак-Азум, обречённая на верную и позорную смерть от рук гроби или других тварей населяющих Старый Свет. Если судьба не решит иначе, если боги не потеряли веру в своих детей...

Тихий знакомый звук, донёсшийся из большого дома, заставил Торвальда открыть глаза. Его грубое, изрезанное морщинами лицо, на которое наложили свой отпечаток злобный нрав и бурная жизнь, смягчилось. Кто бы не ворчал, кто бы не открыл двери этой лачуги изнутри, он одним звуком заставил сердце гнома забиться с могучей силой.

Но в дверном проёме никто не появился. Прогремел лишь старческий, но уверенный голос:

— Клянусь вершинами Караз-Анкора! Здесь есть один гном, который заставит тебя забрать свои слова назад, и волею Грунгни я сделаю это!

Торвальд сощурился. Солнце в этих горах слепило. Несмотря на долгие странствия по поверхности, глаза гнома лучше видели в темноте подземелий.

— Покажись и отомсти! Так требуют традиции нашего народа.

— Традиция должна уважаться, поскольку это — голос наших предков, — прорычал голос. — Не спеши сынок, не спеши, позволь мне натянуть портки!

Последнее слово заглушил взрыв. Искры и пламя с треском ударили из дверного проема, тут же уложив Торвальда на лопатки. Когда чёрный дым рассеялся, показался начищенный до блеска длинноствольный мушкет «Громобой».

— Похоже, живой. — Голос был мягкий и высокий.

Он услышал шарканье множества ног. Торвальд шевельнулся и с трудом приподнял тяжёлые веки.

Рядом стоял старец с плотной серой бородой, облаченный в толстую железную кольчугу обитую громриловой каймой вокруг рукавов и накидку с красным молотом на груди. Он опирался на своё ружье, так как левую ногу ему заменял старый механический протез, а отсутствие правого глаза скрывала чёрная потрёпанная повязка. Старик добродушно улыбался, наблюдая единственным глазом, как поверженного воина окружала удивлённая и теперь уже шумная толпа.

Кто-то из молодняка подступил совсем близко, принялись собирать с земли крупные осколки пули. Всё это время Торвальд приходил в себя, молча наблюдая за происходящим он ощупал на груди уцелевшие кольца кольчуги — даже его тело осталось невредимым.

— Разве это возможно, дядя Хаакам? — обратился один из молодых гномов к старцу. —

Почему чужак жив, а твоя пуля раскололась на мелкие части?

Толстые губы Хаакама растянулись в улыбке, обнажив ряд белых и всё ещё крепких зубов.

— Доверяй камню и железу - камень и железо всегда были истинными друзьями гномов, — сказал старик исполнившимся благоговения наблюдателям и протянул руку Торвальду. — Смотрите и учитесь доверять железу, что ковали в кузницах Восьми-Пиков-Карака, а не в адских горнах хаоса или пустошах ненавистных зеленокожих. Смотрите и знайте, что не в силах дави причинить вреда своему брату. Это знак! Валайя не оставила нас!

Они посмотрели на него, и сердце подпрыгнуло в груди Торвальда. В обращённых к нему лицах он заметил слабые, нерешительные проблески надежды.

Хаакам позволил Торвальду прийти в себя. Через час, когда они уселись поговорить в доме долгоборода за большим столом, ночь уже опускала на деревню своё чёрное покрывало.

Сперва они говорили на чистом Кхазалиде, но слов прощения нет на древнем гномьем языке, поэтому Торвальд перешёл на наречие людишек:

— Благоднейший Хаакам, прошу прости меня за мою дерзость. Я не собирался ни кого здесь убивать. Лишь хотел убедиться в слухах... — Торвальд бросил мрачный взгляд на ногу старика. — Никто из твоих гномов не откликнулся на обиду.

— Нет лучшего встряски для гнома чем обида и нет лучшего знака от предков, чем уцелевший от выстрела гном! — Ответил Хаакам посмеиваясь. — Твои знания были верны о горах Карак-Азума и действия, я верю, не напрасны. Ты своими глазами увидел как у нас тут обстоят дела...

Хаакам улыбнулся — как надеялся, ободряюще.

— Сядь подле меня, Торвальд Молотобоец, страж Королевских палат Восьми-Пиков-Карака, — сказал он. — Да! я узнал тебя, а как не признать столь великого воина?

Торвальд нахмурился. Стыдливо прятал глаза от удивлённых взглядов.

— Ты наверное меня с кем-то перепутал, почтенный, — сказал он не настолько уверенно, насколько хотелось бы.

Старик кивнул понимающе.

— Все мы уже не те, кем были прежде. Вот ты, к примеру, ещё недавно был наглецом!

Он снова громко расхохотался, как будто с ним уже много лет не случалось ничего более забавного.

Торвальд почувствовал облегчение. Отсмеявшись, Хаакам дружески положил руку на плечо молодого — по меркам долгоборода — гнома.

— Мы закончим ужин, и ты поведаешь мне свою историю, а я расскажу тебе о своих гномах то, чего больше никто не расскажет...

Теперь, когда все узнали, кем на самом деле был таинственный незнакомец — жители Кил-Азара, наконец, могли проявить все надлежащее уважение почётному гостю. Принесли нескольких зайцев, чьё мясо рассчитывали засушить про запас и повесили жариться над огнём. Открыли никудышное людское пиво, что при гномах зовётся "Грог". И всё-таки, хоть Порубежные королевства людишек знают в нём какой-то толк.

Дверь в хижине Хаакама была открыта, Торвальд видел как другие гномы сгрудились у

костра, протягивая к танцующим языкам пламени израненные крепкие ладони. Ночь была безлунной, лишь огоньки звёзд тускло мерцали в небе. Хороший день он выбрал для возвращения к своему роду, хорошая ночь чтобы вновь оказаться со своими братьями.

Поначалу Хаакаму было неловко, и он говорил без особой охоты, но Торвальд внимательно слушал его, задавал наводящие вопросы, пока не вытянул из него всё. Лицо старика потемнело, в глазах мерцала злость. На мгновение, будто вспыхнули огоньки минувших сражений, резни, произошедшей сотни лет назад. Единственный глаз старика все ярче наливался кровью, а кулаки сжались и трещали от могучей силы, не смотря на века долгой и воинственной жизни. Пока его горькая история бурлила словно кипящая река злобы.

Он говорил о крепости Караз-Ханора, что казалось бы совсем недавно ещё была его домом. Стиснув зубы процедил о том, как подло и хитро проникли мерзкие гроби через природные пещеры, в шахты, ударив в спину там, где ни один дави их не ждал. Эту историю знал каждый гном. Ведь не было места в Вечном Царстве, что не пострадало от землетрясений и коварства зеленокожих в те дни. Лишь самые сильные, не без огромных потерь сумели предотвратить казалось бы неминуемую гибель всей Империи гномов. Вооружаясь на ходу, крепость Караз-Ханор погибала под хохот гроби, а рубленые останки лежат и по сей день среди испорожнений и нечистот зеленокожих...

— ...немало мы постранствовали, прежде чем найти эту землю. И вот мы здесь, и теперь это наш дом.

Когда Хаакам закончил Торвальд заговорил не сразу.

— Караз-Ханор — произнёс он, наконец, — он похож на Восемь Пиков, хоть я там и не бывал. Придет час и мы отомстим за дом твоих предков, вычеркнем обиду кровавой мстью!

Хаакам кивнул:

— Наш народ оплатит за каждую обиду. Я уверен, настанет тот час, о котором ты говоришь и буду сражаться одними зубами, если эти твари лишат меня второй ноги и рук! Но эти гномы... Я вывел их из крепости совсем юнцами, детьми, а другие и вовсе лишились камня в сердце, — Хаакам вздохнул. — В других деревнях Карак-Азума дела обстоят не лучше нашего. У меня нет сил обучить их, нет умения и укрепить дух отомщения. Поэтому ты здесь, волею Валайи.

Торвальд снова помолчал. Наконец он проговорил:

— Мне нужно было побыть одному, поразмыслить над тем, что произошло. Подумать. Вспомнить о том, кто я есть, кто есть все мы как единый народ. Также, как и гномы Карак-Азума, я не понаслышке знаю, что такое лишиться камня в сердце.

Пока Торвальд говорил, он неотрывно смотрел в костёр, теперь он повернулся к Хаакаму. И хотя его серые глаза были ясными, отсветы огня вдруг заплясали в них подобно пламени преисподней, пылавшему во взгляде гномов Хаоса.

— Я бежал, как и ты. И так же, как тебе, мне удалось окрепнуть духом. И всё же для тех, кто сбившись в кучу сидит в грязных лачугах, это по-прежнему невыполнимо. Шахтные подпорки от беды в пещере, нужны, когда нет золота, как нужен щит от злых стрел. Нужно, чтобы они сами хотели выйти в дверь, когда мы откроем её для них.

Хаакам начал понимать, куда клонит Торвальд.

— Чтобы принести победу нашему народу, мало просто раздать молоты в руки, — заметил он. — Где бессильны слова, нужны действия.

Торвальд кивнул:

— Мы должны снова напомнить им о пути Грунгни и Книге Обид. Они должны изгнать из своих отравленных душ шёпот страха и вернуться к своему истинному пути — пути воина и твердости скалы. Сила гномов подобна хорошо выкованной кольчуге, каждый гном в ней — это прокованное и закалённое стальное кольцо, которое намертво связано с теми, кто стоит с ним в одном строю узами чести, долга и верности. Я ищу воинов, готовых стать первыми кольцами в кольчуге Грунгни.

Торвальд задумался, подбирая слова.

— Они заслуживают большего, — вздохнул он и пальцем показал на дверь. — И все наши братья, осаждённые в крепостях, заслуживают большего.

Хаакам кивнул потому что слова его были истинны.

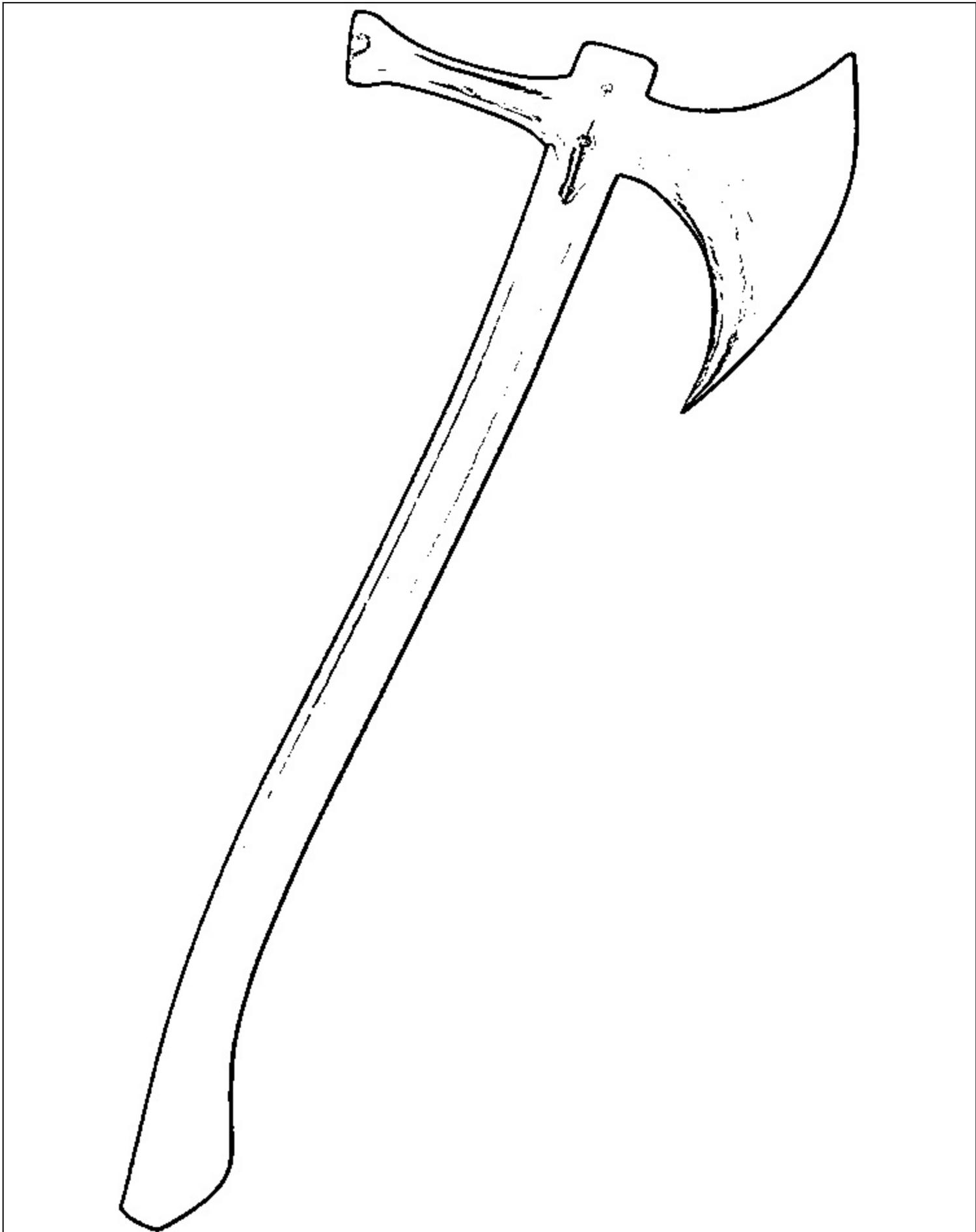
— Ты снискал восхищение этой деревни, хотя они и сами того ещё не понимают. — Глянул на Торвальда, чуть улыбнувшись. Хоть и тяжело было на сердце, Торвальд улыбнулся в ответ. — Выслушайте же меня, Молотобоец! Даже предки не родились на свет великими, все мы начинаем с малого. В тебе есть сила и опыт, а также путь проторённый судьбой. Клинки врагов могут украсть твою старость, воры могут украсть твоё золото, клевета может украсть твою репутацию.. но мастерство, достигнутое однажды, останется с тобою навсегда. Если на свете и есть гном, который может помочь нашим павшим духом собратьям вспомнить, кто они на самом деле, — так это ты. Клянусь я поддержу тебя, Торвальд, до моего смертного часа, и волею Грунгни я сделаю это.

Старый гном взглянул на пыльную кипу книг, в углу дома.

— Слишком долго мы ждали! — прорычал он. — Стань нашим предводителем и обучи их сражаться. Начнём же, прямо сейчас!

Торвальд почувствовал, как невидимая рука сдавила грудь. Гнома вновь охватили ужас, потрясение и ярость, которые захлестнули его, в те дни когда "Вечные царства" перестали быть вечными.

Он кивнул и тяжело вздохнул принимая обязанности Лорда. Заставив себя не думать, о жертве, которую готов принести ради своего народа. Ведь раса гномов подобна кольчуге сотканной из тысяч колец и каждое звено обязано поднять своего родича как на жизнь, так и на славную смерть. Но сейчас дело было далеко не в славе, нет, дело в судьбе всего его народа...

На следующий день, часа в три пополудни, Торвальд сидел у окна в выделенной для него хижины и точил свой топор. Он ждал, когда же, наконец, повеет ветерок и освежит тяжёлую, душную атмосферу. Низенькие, выбеленные известью домики, построенные из камня или из обожженной глины, превращали улицу в настоящее пекло.

Пусть горы Азум и стали пристанищем для многих гномов, но это бесплодное место никогда не станет настоящим домом для гордого народа. Настал час волею Грунгни изменить свою судьбу. Если, конечно, жители Кил-Азар согласятся присоединиться к рискованному делу...

"Я должен их объединить," — твердо решил Торвальд. — "Теперь, когда враг насытился богатством, мучением и плотью дави, стоит ударить по его жирному чреву. И в этот раз мы ударим первыми!"

Во времена Скорби зеленокожие уничтожили множество крепостей и воинов дави, а те, кто выжил, закрылись в пока ещё неприступных оплотах или скрылись в низинах, подобно беженцам Карак-Азума. Но как удовлетворить бурлящую жажду крови? И орки подняли боевые топоры друг против друга, банда уничтожала банду в отчаянном стремлении утолить жестокие страсти, клокотавшие в их сердцах. Жажда крови затмевает оркам разум, и буйные, неуправляемые орды нуждаются в сильном неудержимом военачальнике. Но пока последний из «Крупных» вожаков гниёт на границе Империи людей, сраженный рукой самого Императора, у гномов есть шанс подняться с колен и обрушить ненависть на гроби открыв врата всех осажденных цитаделей.

Если потребуется, в этот раз гномы нарушат свои обеты, ради народа и возрождения Вечного Царства. Пусть в этот раз они поступят подобно исконному врагу, если нельзя поступить иначе. Нет, сейчас не до скорби и милости к гроби — настал век Возмездия!

— Скарсник... — процедил Торвальд и так сильно надавил на точильный камень, что металл человеческого топора заскрипел и прогнулся.

Это имя ненавистно всем гномам. В те тёмные и скорбные времена для дави, Ночные Гоблы клана Ущербной Луны, под предводительством самого хитрого и подлого военачальника гоблина Скарсника, отыскиали путь для захвата крепостей среди пещер неизвестных даже гномам. Скарсник знаменит среди расы зеленокожих своей изумительной подлостью. Он невероятно хитёр, отличается страстью к сложным тактически схемам и постоянно заманивает противников в засады и ловушки. Однако, самым жестоким поступком этой твари, является садистская коллекция оскальпированных бород. Но сейчас он далеко, а все его хитроумные планы и многочисленная армия гоблы неиствует на востоке, оскверняя великую крепость Восемь-Пиков-Карака. Значит, самое время ударить в тыл врага по более слабым частям разрозненных орков и, возможно, при удачном течении дел, даже те ничтожные начинания могут обернуться могучей силой против этой злобной твари и других воевод зеленокожих.

Возможно в будущем. Не сейчас. Но, как известно, гномы терпеливы, потому способны вечно таить свою обиду. Придёт час, когда дави вычеркнут и эту строку из Великой Книги Обид — Дамаз-Крона.

Когда Торвальд выровнял свой горе топор и высек камнем последнюю искру, дверь в выделенной для него лачуге распахнулась.

Он кивнул им, когда они вошли. Один за другим одиннадцать гномов принялись

ворчливо разбирать из сундука Торвальда различное человеческое оружие. Эта горстка откликнулась на его зов. Тот самый маленький булыжник, что вызовет лавину...

Несколько дней спустя, ранним утром, Торвальд наблюдал за обучением молодых гномов. Улыбался, чувствуя рвение молодняка обучится ратному ремеслу. У солдат должны быть крепкие спины, чтобы нести не только доспех; Кровавые упражнения в учебе — залог победы в кровавых битвах.

Он знал, предчувствовал, этот разговор и понимал, что не уйти от ответа. Видел, как другие гномы в нерешительности столпились у дома Хаакама, а после лениво направились к Торвальду, желая высказать свои мысли насчёт рискованного дела:

— Мы пришли к тебе, Торвальд. Наши жизни и топоры в твоих руках, — говорили новоприбывшие гномы желающие вступить в отряд.

Торвальд, внимательно выслушал каждого, позволил он говорить и тем, в чьих сердцах поселился страх:

— Деньги, оружие и союзники, — зашумел седовласый гном во весь голос, впившись взглядом в юных рекрутов. — Серебро влияет на ход битвы не меньше чем железо. У нас ничего нет! Куда ты хочешь отправить наших детей? На смерть?

— Тренировки, — заметил Торас Троллебой. Немногословный старейшина Карак-Акула, как обычно, экономил на словах, насколько это было возможно. — Тренировки — значит битва.

Другие долгобороды тоже ворчали. Им всем было жаль молодых. Тем более что они, лидеры общин, поровну поделили полномочия.

— Сколько вы готовы заплатить за свободу нашего народа? — возразил Хаакам, известный всем своей мудростью. — Ничто столь ценное не обходится дёшево. Даже самая простая военная подготовка может спасти жизни!

Кое-кто прекратил жаловаться, оценив тонкое замечание. Хаакам знал, что такое свобода... и что такое, когда этой свободы нет. Его дом остался лишь в памяти. От большей части Карака и вовсе не осталось камня на камне.

— Ты не оставил нам выбора, — говорили они. — Теперь, зеленокожие прознают о нашем укрытии, они придут за нашими женщинами и детьми!

Эти слова словно нож прошли по сердцу Торвальда. Пусть и не винил он братьев за страх, но не мог не винить себя, за былую слабость в душе. Была ли его затея личным возвышением и искуплением за грехи? Нет, конечно нет! Он, так же как и гномы столпившиеся перед ним, был поднят с колен не своим, но сторонним усилием воли. Волею предков!

— Вы правы, братья... — отвечал воевода, — ... вскоре, орки прознают о вашем укрытии, они придут за вами, это так. Но могло ли быть иначе? Когда придёт тот час, когда орки сами отыщут ваше логово и прирежут вас словно беспомощных младенцев?

— Кто ты такой, чтобы ставить под угрозу жизни наших детей!

— Я гном! Как и каждый из вас по праву я — воин! Что оставите вы своим детям? Руины некогда Вечного царства? Бедность и страх перед ордами зеленокожих?

Торвальд яростно указал рукой на восток, где-то там, за горизонтом, скрывается родина народа дави:

— Когда вы были там последний раз? А кто из них вообще бывал в месте, что каждый гном называл своим домом?! Уже три месяца как пал Карак-Ундо, а за ним и Карак-Ивран,

клянусь Вам, я видел это! Что дальше?! Что дальше, спрашиваю я вас, храбрые воины?

Гномы нахмурились и посмотрели друг на друга. Это стало новостью для них всех.

— Не я, а вы кто такие чтобы ставить под угрозу будущее наших детей? Возьмитесь за оружие!

Нет сомнений — Торвальд прав. Рано или поздно орки вновь соберутся в кулак, предсказуемость их главный враг и сильнейшее оружие. Несомненно они придут, сумеют отыскать каждого ненавистного дави, чтобы глумиться и истязать поверженного врага. Но больше гномы этого не допустят! Нет, не допустят!

— Пустошь совсем рядом, — прошептал Торвальду Малый Бьёри, когда другие гномы разошлись принимая правду Молотобойца. Юный гном один из первых решил присягнуть на верность новому лорду и всюю призывал других присоединиться. — Долго мы скрывались у самого носа врага, в надежде спасти свои шкуры! Придёт час и они сметут нас, словно буря песчинки в этом безжизненном краю. Что будем делать, воевода?

Конечно Торвальд понимал, на каждый вопрос именно он, воевода, должен дать ответ. Рядовой солдат должен думать о битве, но тот кто ведёт воинов в бой, должен думать о многом, куда большем нежели выполнять приказы.

— Мы должны рискнуть, — заявил Торвальд. — Нам нужно сплотить армию гномов и готовиться к войне.

— Согласен, — сказал Бьёри и одобрительно кивнул.

— Пока все деревни разрозненны, а сила наша невелика, — продолжал Торвальд, — наша задача сплотить и вооружить наших братьев. Ты молод, но ты прав — полагаться лишь на себя мы не можем. Поэтому, мы отправим весть на восток, в Карак-Изор!

— Королю?

— Истинному наследнику Восьми Пиков Карака!

Некогда Страж королевских палат и наследник Королевства Восьми Пиков были больше, чем просто товарищами по оружию. Торвальд всегда думал, что они истинные друзья. Однако, не смотря на все попытки удержать королевство и спасти отца Белегара — короля Луна — Торвальд потерпел неудачу, а после вовсе исчез без надежды вновь служить королевскому роду.

Белегару нужны воины, Торвальд знал об этом наверняка. Ведь король днём и ночью думает о том как вернуть свою крепость...

1. "Да будет записано, что мы, гномы Карак-Азума впервые записываем обиду. Пишем мы её от имени новорожденного клана Объединенных Караков, что сливается воедино из кланов утративших свои земли, по вине мясников именуемых - гроби. Наша общая цель непоколебима, мы будем мстить, пока наш народ не воспрянет с новой силой".

2. "С юга пришла весть, что небольшой отряд налётчиков орков собирается у Карак-Акула. Мы, двенадцать горцев Карак-Азума, под предводительством Торвальда Молотобойца, придем на помощь им в эту трудную минуту, знаменуя свой первый общий поход, ведь наши братья подавлены и требуют поддержки".

Ранним утром, когда солнце ещё скрывалось за горизонтом бескрайней Пустоши зеленокожих на юге, а ветер ласкал приятной прохладой, отряд обошел Карак-Азум с запада, по низинам и быстрым темпом устремился на север, по извилистому Змеиному ущелью.

Теперь Торвальд надеялся взобраться на вершину ущелья и выследить орков с высоты. Ведь гроби были замечены днём ранее, пешим отрядом, вразвалку, они обогнули гору и направились к Карак-Акулу бранясь и размахивая мечами.

Как по сигналу, Торвальд рванул вперёд, а другие, пригнувшись, двинули следом. Бежал быстро, прыгал через камни, проскакивал засохшие кусты. Для гнома, Торвальд двигался довольно резво. Несколько прыжков — он ощущал лёгкость полета — воин оказался перед ручьем и с разбегу взял препятствие.

Тело его само делало нужные точные движения, не мешая ему видеть и соображать. Таков результат подготовки ко всем случайностям боевой жизни с раннего детства. Слабые воины Восьми Пиков быстро погибали от преждевременного истощения, зато тела выживших были закалены, а руки и ноги послушны. Ведь сражение с Ущербной Луной, одурманенной галлюциногенными грибами, часто требовало не только прочного строя, но порой скорости и умения резво махать топором.

Внезапно, Торвальд сбавил скорость и остановившись у предгорной чапарели, стал дожидаться остальных бойцов. Заливаясь потом они упали на колени, жадно хватая воздух ртом.

— Вот так, парни, — сказал Торвальд смеясь и подхватив самого крупного гнома Йордома Пузана усадил беднягу на валун скрытый кустарником. А после, взял с собой нескольких самых крепких гномов, для наблюдения за ущельем. Радовался он потому, что эти гномы не сдались, не завыли, несмотря на непривычный для их кланов забег и воспрянув духом теперь сами посмеивались друг с друга.

— Последний раз, парни, я так смеялся пол века назад, — стараясь отдышаться произнес Бьёри, молодой рыжеволосый гном. — Право слово, это была славная шутка, когда Король Дарвиг придумал швырять пленных гоблов с катапульты! Смекаешь? Клянусь своей бородой, они верещали хлеще свиней!

— Позволь мне отдышаться, малый Бьёри, — отрывисто проговорил Йордом, — я покажу тебе, как в свое время метал головы гроби! Помнится, мы даже устроили атлетический кружок. Берешь значит, двумя пальцами за ноздри - вот так, нужно поглубже запихнуть, чтобы раньше времени не соскользнула...

Торвальд обернулся и посмотрел на свой отряд с гордостью присущей только гному, пусть даже они ещё не вступили в бой. Ведь несколько дней назад они напоминали живых мертвецов, что скитаются среди склепов без кукловода некроманта, а теперь всё ещё бедных, но крепких неотёсанных гномов.

— ... истинно так! — продолжал Йордом, — головы гоблы конечно доставались детишкам. Их удобно швырять за уши и..

— Торвальд! — один из наблюдателей схватил предводителя за рукав. — Смотри!

Торвальд заметил какое-то движение. Присмотревшись, он увидел, как из другой ветви ущелья показалось с десятков орков с рубилами и щитами. Лучники, не более пяти гроби, тоже заняли свои позиции, стали рассматривать вершины ущелья, потому гномам пришлось прижаться к земле. Однако напряжение быстро утихло, так как орки тут же опустили луки и

принялись разбивать лагерь и жечь костры. По всей видимости эти орки, были из "цивилизованных", тех, кто пожалуй не так давно покинул Бесплодные земли. Они обитают на границах Империи людей и среди руин крепостей гномов.

Орки больше людей различаются по величине и наружности: некоторые не выше человека, но многие значительно крупнее, а большие орки достигают в высоту более семи футов. Они мощнее людей, но не сильнее гнома, с могучими плечами и длинными, мускулистыми руками. У орков большие головы, массивные челюсти, но узкие лбы, за которыми скрываются толстые кости черепа и капелька мозгов.

Орки не являются великими мыслителями этого мира, но при этом они не колеблются и не сомневаются – когда орк хочет сделать что-то, он это делает. Эта целеустремленность – их величайшая сила, тем более что орки больше всего на свете любят драться. Орки всю жизнь дерутся друг с другом, чтобы утвердить право командовать другими орками.

Но сейчас, эта малая банда мирно присела у огня и на завтрак у них был мертвый...

— Гном! — произнес Бьёри дрожащим голосом. Он подполз на коленях поближе к Торвальду и увидел как массивный орк срезает бедняге бороду с кожей, — Они хотят съесть гнома, Торвальд!

Торвальд не слышал его. В ушах у него гремел гром. Колени его ослабли, и он рухнул на землю. Ярость, смешанная с отвращением, поднималась в нём, и всё плыло у него перед глазами.

Торвальд тупо смотрел на то как орк покончил с бородой, а после устался на окровавленную расечёную шею. Потом страшное зрелище затуманилось. Гном ощутил, как по его лицу течёт влага. Жгучая боль вспыхнула у него в груди, когда он вспомнил тот ужасный день, когда Зеленокожие проломили стены в нижних палатах Восьми-Пиков-Карака и устремившись из неизведанных пещер зелёной волной, стали рвать бедных просыпающихся гномов.

После он обернулся и увидел, как другие гномы заворчали и обозлились. Орки сами сделали то, к чему он стремился, жертвой бедного гнома он получил что хотел. Теперь у них было куда излить свою боль. В сражение, в месть! Кровавая пелена заволочла взор воинов, и они быстро но осторожно стали спускаться с вершины, скрываясь за скалами и огромными валунами, стараясь не шуметь раньше времени сыпучим щебнем.

— Нужно подобраться как можно ближе, — шепнул Торвальд остальным, — у нас нет доспеха от стрел, потому убьем их как можно скорее.

Некоторое время гномы терпеливо ожидали, пока орки ковыряясь в клыках, стали беспорядочно укладываться среди камней, беззаботно бросая оружие, в ожидании ужина.

— Даже боги оскорблены дерзостью наших врагов, — процедил Торвальд. — Пусть они заплатят кровью за свои преступления — так будет только справедливо. Вы чувствуете, как пробуждаетесь? Вы чувствуете, как ваш дух рвётся драться, убивать, чтобы завоевать свободу? Вперёд, братья!

С типичным для них стоицизмом гномы поняли, что вскоре, возможно, настанет их час, и начали завещать свои души Грунгни. Гномы готовились продать свои жизни как можно дороже. Даже не посмотрев, идут-ли они за ним, Торвальд бросился на лагерь.

За спиной он слышал нерешительные голоса, которые с каждым шагом к драке становились все громче и увереннее. Один из гномов с громким воплем бросился вперёд. Остальные последовали за ним.

— Че такое?!

Первый орк на пути подскочил от криков схватив зазубренный меч, он лишь успел замахнуться.

— Ну, держись! — выдохнул Торвальд, взмахнул топором на длинном топорище и наискось, между латным плечом доспеха и низким краем завешенного кольчужной сеткой рогатого шлема, врубился в первую жилистую орочью шею.

— Карлы! — заорал один из орков натягивая тетиву. — Харэ балтать! Стреляй пацаны!

Внезапно плечо Торвальда охватила дикая боль. Стрела с черным оперением почти насквозь прошла предплечье. Он заставил себя забыть о боли — сейчас есть дела поважнее.

Вокруг закипела драка, звенела сталь, стонала рассекаемая орочья плоть. Некоторые орки сообразили, что происходит, и попытались занять позицию для стрельбы. На мгновение Торвальд почувствовал жалость к своим гномам, думая, что привел их на верную смерть.

Он поднял безоружной рукой оружие павшего орка желая бросится на стрелы, как вдруг раздался выстрел, потом второй и лучники пали на землю с пробитыми черепами увлажняя сухую землю остатками мозгов.

— Бейтесь же, бейтесь! — крикнул он, махнув орочьим мечом, с гордостью смотря на вершину, откуда тройка громобоев ведёт точную стрельбу. Там на вершине Хаакам заиграл на волынке.

Оружие взлетало и падало в руках Торвальда, орки, корчась, валились в кровавую грязь под ногами. Все гномы вокруг него бросались на ненавистных врагов, размахивая и вопя от боевого азарта.

Когда пыль улеглась, а звон стали и крики утихли, Торвальд оглянулся и увидел окровавленных гномов, и каждый из них был жив! Они добивали орков с праведной яростью, нанося рубящие и колющие удары.

— Получилось! — выдохнул восторженно Большое Пузо. Торвальд обернулся на здоровяка, в перемазанной орочьей кровью рубахе и массивной башкой в руках их вожака. — Сыны Грунгни, возможно, досыта испили горькой воды злоключений, но всё же выжили. Пока хоть один гном ещё дышит, мы будем бороться с злом, что нападает на нас, и никогда - никогда! - не сдадимся.

Крик, вырвавшийся из десятка глоток, наполнил сердце Торвальда Молотобойца радостью.

А после, израненные и уставшие гномы обнимались со слезами на глазах и восхваляя Торвальда свирепо трясли сбитыми куклами. Клялись честью и бородой идти за воеводой до конца!

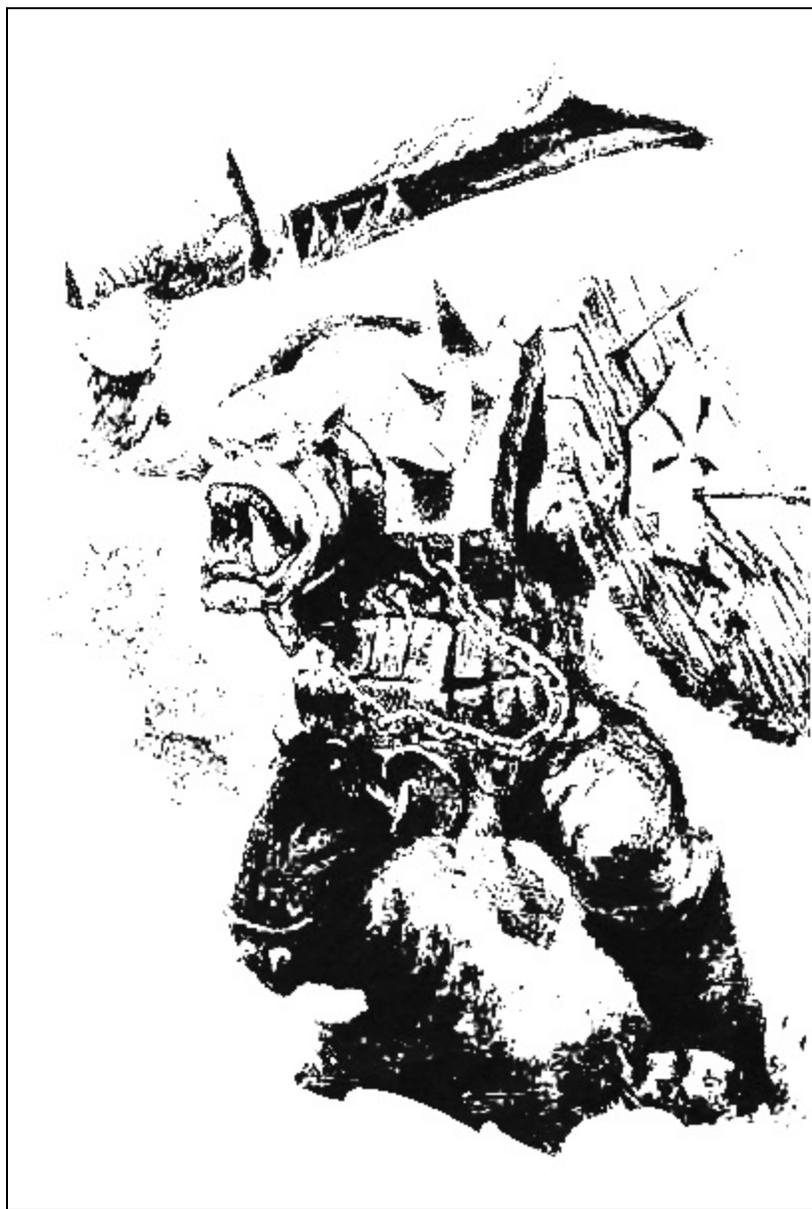
Однако, Бьёри не радовался и бросив топор на землю принялся расстёгивать ремень на штанах, рядом с израненным, но ещё дышащим орком. У орка отсутствовала нога и добрая половина руки, он поднял кровоточащую культю и что-то гаркнул захлебываясь кровью.

— Что ты делаешь, Бьёри? — спросил Хаакам с высоты, дивясь поведению молодого гнома.

— Помнишь ли ты, дядя, когда гроби использовали собственный топор Арнтольфа, чтобы обрубить ему каждую ногу в три чудовищных, неуклюжих удара, а потом задрали свои балахоны и нагадили на него, умирающего?...

Между тем за ними следили. Наблюдавшего привлек шум яростного боя и не сумев сдержать интерес он наблюдал, скрывался среди камней. Он видел, как один из гномов рвался в бой и своим примером поднял остальных, менее уверенных гномов. Он знал, гномы не заметят его, так как магия редко касается этих существ. Знал и о том, что они его не слышат. В основе своей они лишь гномы, а он был совсем иным, и обладал опытом слишком долгой жизни.

Глаза подобны кошке, двигался не нарушая тишины, а очень древний плащ скрывал его от палящего солнца. Вмешиваться в их дела не входило в его планы — и, может быть, к лучшему. Хотелось просто уйти, исчезнуть среди темного ущелья, до наступления темноты. Но жестокость и выгодная натура всегда брали верх над ним.

Хороший коротышка — это мёртвый коротышка, и лучше мёртвого коротышки может быть только умирающий коротышка, который может рассказать, где можно найти его друзей.— Морглум Шеелом

"...Никто в Старом Свете не знает наверняка откуда берутся орки. Но у каждой цивилизованной расы, есть знания о богах Горке и Морке, сотворивших самых глупых и в тоже время целеустремлённых существ этого мира.

Среди учёных мужей Альтдорфа (Столицы Империи людей) бытует мнение, будто орки сродные грибам. После смерти они разбрасывают споры, которые, при должном положении каких-либо условий, порождают на свет множество новых тварей, чем и объясняется их огромная популяция, быстро растущий и в то же время глупый организм. Если когда-нибудь данная гипотеза подтвердится, то выражение - "Все что нас убивает, делает нас сильнее", - навсегда будет приписана народу Зеленокожих.

Однако, не смотря на всю свою злобу, безграничную любовь к разрушениям и

убийствам, именно эти качества и привели данных существ к прочной структуре развития. Посредством бесконечных сражений между друг другом, данная раса без конца создаёт множество кровожадных воевод, у которых нет других целей кроме войны. Тот кто сумеет собрать огромное войско, поведёт свой народ в новый разрушительный набег, который веками среди орков называется примитивно и просто **"Вааагх!"**

Среди жителей Порубежных княжеств бытует мнение, будто Пустошь на самом деле является всеми забытой пороховой бочкой. Высокомерные Империи забыли какую опасность несёт казалось бы безжизненная пустыня. Стоит лишь найти воеводе которой сумеет объединить всех разрозненных орков, поднести спичку и мир навсегда станет "зелёным".

— *Неизвестный автор*

"Бестиарий старых и новых существ".

Орга Железные Зубы долго вертел в руках непонятную вещицу, стараясь понять в чем её ценность среди врагов. Он небрежно переворачивал страницы неуклюжими толстыми пальцами, пытаясь вникнуть в смысл странных знаков. Пленные называли их "буквами", словом, которого в языке орков нет и не было. Всё, что он знал об этих «буквах» и «книгах» из слов пленных, людишек и дави, вернее то, что он сумел понять и выдать под бесконечными пытками, это то, что — данная вещица несёт знания, а проще, на языке орков "силу" — но значение этой силы и как ее использовать он понять так и не сумел.

Эта сила отличалась от тайного бормотания шаманов, которым позволено общаться с Горком и Морком, владеть страшной силой и при этом ни с кем не делиться. Она казалась доступной, осязаемой, вот она уже в руках и этих "знаний" у него множество! Но сколько бы он не пытался, сколько бы не желал понять эту "силу", она все так же бесполезна и тупа, тупее чем любой из его воинов.

Да, иногда в голове Орги возникали странные мысли, кроме как "сила" и "убивать", поэтому то он и стал военачальником множества зелёных парней.

Сейчас, сидя у огня, на окраинах Пустоши в окружении сотен палаток и огней, он припомнил те дни, когда впервые взял в руки оружие. Это сейчас у него в руках настоящее рубило, которое он оторвал вместе с рукой у одного заносчивого карлика, тогда... когда... Да не важно!

Вот тогда он взял дубину, пришел в первое поселение на которое набрёл и ударил по башке первого встречного дикого орка разможив ему череп.

— Кто ждётся главный? — спросил он у опешивших орков, что уставились на него почесывая свои мощные зелёный макушки. — Тохда главным буду Я!

На том стояла и стоит его власть и видимо на том стоять и будет. Ведь сила его растёт и без фокусов, а банда множится, грабит и рубится сколько влезет. Вернее так и было до недавнего времени, пока в Пустоши, внезапно, вдруг не случилось странное для этого места затишье.

Орга зарычал и порвал книгу одним яростным движением, а после от души потоптавшись по ней запинал остатки в костёр. После он осмотрелся, прищурился, убедился что никто из его банды не хочет нанести подлый удар и самодовольно уселся на мёртвого гнома.

Вот вспомнив о гномах он и разозлился не на шутку. Ведь карлов стало так мало, что

уже с десятков раз ему приходилось подавлять перепалку между орками, убивать орков которые должны убивать за него. И думая об этом, опыт военачальника говорил ему — дело плохо. Ведь убивать орков значит убивать силу, а убивать свою силу не есть хорошо. Чтобы сила росла нужно убивать другую силу и тогда у него будет ещё больше рубил, пацанов, жратвы и блестяшек.

Именно поэтому он и разослал пацанов на разведку, в надежде, что они сумеют найти новую жертву для его изголодавшегося **"Вааагх!"**. Ведь среди диких орков Пустоши всегда идёт война, каждый день орки стремятся стать сильнее, больше и кровожаднее, ради правления над другими орками. И чем дольше он ждал тем больше злился, а чем больше злился тем чаще поглядывал на других пацанов, которые уже скрывались от его гневного взора.

Он подкрался тайком, совершенно не заботясь о том, чтобы блюсти личное достоинство. В отличие от орков, они понятия не имели, что такое яростная битва лицом к лицу, лишь хитрость и подлость была их уделом. Это был гоблин, низший из низших, жалкий червь под ногами — так их воспринимал Огра Железные Зубы вождь клана Жубодеров. Вот только сейчас черви эти были повсюду в его лагере, и хотя сами они хранили противоестественное для них молчание, оружие их говорило вполне красноречиво.

— Орга.. — послышался за спиной писклявый раболепный голос. Вождь не обернулся, лишь шевельнул маленьким безобразным ухом. — Они вернулись. И всадники на вепрях, пацаны сломанных Носов... но не усе вождь.. н-не усе...

Он поднялся и выпрямился во весь свой внушительный рост. Огромная тень вождя накрыла слишком мелкого — по меркам орков — гоблу. Последний нервно оскалил острые как бритва зубы, прижался к земле и попятился назад прочерчивая в песке канаву своим длинным носом, часто поднимая огромные змеиные глаза.

— Орга говорит веди их камандирав, ка мне. Бегом! — прорычал Орга. — Не тс выпатрашу тебя как следует, ты понял?

Вождь подскочил к гоблину и схватил его за тонкую шею. Теперь мелюзга извивался в неподдельном ужасе. Орга крепче сжал руки и с удовлетворением услышал, как под ладонями, ломаясь, хрустнули позвонки.

Короткий пронзительный вопль — и тишина. Червь убит. Орге не нужно было осматривать гоблу, чтобы понять это. Он отбросил его словно надоевшую игрушку и наконец излив свою ярость успокоился, вроде бы. А после отправился туда, где и дожидались прибывшие гроби.

— Нишего, сам пройдуь. Тьфу!

Ночь казалась Орге прохладной, и он с завистью наблюдал, как его разведчики скидывают с себя доспехи и бормочут что-то насчёт невыносимой жары. Он подумал, что, должно быть, они торопились как могли, чтобы доложить вождю последние вести, а возможно и вступили в бой. И от того, его зависть возросла стократно, ведь он не мог оставить становище Жубодеров, на произвол тупым, изголодавшимся к битве оркам.

Первым, подняв огромное облако пыли, прибыл большой отряд Свинорыла на огромных неистовых вепрях. А за ним, со свистом, погоняя не менее огромных Черных волков принеслись налётчики гоблов Сига Спиногрыза. И все они были коварны, безжалостны и готовы на всё ради силы.

Но никто из них не мог сравниться с Орга в беспощадности.

Однако, как и сказал призренный червь, пеший отряд Морга Гномоеда так и не

показался, хоть он и должен был вернуться одним из первых.

Он предложил главарям присесть и протянул ещё тёплую, истекающую кровью ляжку какого-то животного Свинорылу. Орк, чье право на данное имя было целиком оправданно одобрительно кивнул, впился зубами в сочное мясо и оторвал большой кусок. А после заговорил с полным ртом насколько это возможно.

Орга слушал, с трудом сохраняя невозмутимость. Но сердце в мощной груди вождя колотилось глухо и часто, совсем как его прославленное рубило о вражескую плоть.

Когда же Свинорыл замолчал, то вновь принялся за еду. Пока он неторопливо жевал, ум вождя лихорадочно пытался осмыслить все услышанное.

Наконец он заговорил:

— Я верю тебе, Швинорыл, — сказал Орга воевода Жубодеров, — жнаю шо ты хошешь драться! То што ты не нашел карликов, плохо. Но то шо ты нашел дохлого Морга, хорошо! — Огра хищно улыбнулся. И от этой улыбки у прочих орков кровь застыла в жилах.

Один из вожаков гоблы, Сига Спиногрыз, безуспешно попытался подавить нервный смех, но Орга, казалось, не обратил на это внимания. Воевода продолжал улыбаться, понимая, что несмотря на показную отвагу, недомерки его боялись.

- Хорошо! Жначит, где-то там прячуться карлы и щдут когда мы их поубиваем!

Воевода хихикнул, зная, что для этой боязни была веская причина. Он вытянул из-за пояса свой длинный зазубренный нож и наклонился вперед, размышляя нужно ли кого-нибудь прирезать, просто так, для повиновения. Правда тут же Орга похвалил себя, за смекалку, ведь убивать всех подряд не есть хорошо, особенно командиров. По крайней мере пока они его боятся.

Но пока Орга проверял пальцем заточку клинка, Сига захихикал и преклонив колено пропищал:

— Позволь мне, о воевода! Позволь мне отправится туда и отыскать логово трусливых карликов. Мы найдем их, а посла отсечом их головы в дар тебе! Позволь же, о воевода! — Сига был хитёр, как настоящий гоблин и знал что воевода тоже желает убивать мерзких дави. — А если, если коротышек будет множество, — продолжал он, кивая и кланяясь, — мы вернёмся и расскажем об этом тебе, чтобы весь твой храбрый **"Вааагх!"** набил тупорылым карликам морды!

Толстые зелёные губы воеводы скривились в презрительной усмешке. Но Орга кивнул и хлопнул себя по ляжке.

— Ты прав, я позволю тебе и твоей гoble отыскать трусливых дави! — согласился он. — Но ешели ты удумал обмануть, мерзкий червь, я придушю тебя, затопчу, а после сожру вмеште с костями!

"Да, все правильно", — согласился воевода. Слова трусливого гоблы истинны, пусть он и лжёт. Он создаст самый могущественный **"Вааагх!"** за всю историю орков и во главе его отправится завоёвывать новые земли, щедро поливая землю вражеской кровью. И все же.. и все же он хотел большего, гораздо большего чем имел. И это большее скрыто в тех самых "книгах".

"Ты слышишь меня, будущий воевода величайшего **"Вааагха"**?"

— Што? Кто? — Орга замотал башкой пытаясь найти откуда издается этот странный, шипящий шепот, пока другие главари застыли, в недоумении, дивясь странному поведению воеводы.

"Меня слышишь только ты, Орга, никто из этих червей не должен узнать обо мне, твоём

великом боге Горке. Я научу тебя книгам, я научу тебя таинственной силе"...

Внезапно Орга разразился свирепым хохотом, и остальные присоединился к нему пускай и не знали в чем собственно дело.

"Как желает хозяин, так желает и Орга", — послушно, мысленно согласился он, умолчав о том, что было у него на сердце.

Орк махнул рукой, тем самым дал знать что встреча окончена. Вожаки быстро удалились, словно скользкие черви, забились в свои щели, бросая пытливые взгляды на странную ухмылку вожака.

Горк — воплощение жестокости и склонности к бою врукопашную, в то время как его близнец Морк воплощает хитрость и использование нетрадиционной тактики ведения войны. Эти различия можно легко понять на примере орков и гоблинов: для орков более характерно поклоняться силе Горка, чем хитрости Морка, в то время, как гоблины предпочитают коварство Морка воинственности Горка. Если Скарснику благоволил Морка и он сумел достичь таких побед.. то и Орга сумеет возвыситься под покровительством Горка.

Почему же все это происходит так непонятно и неожиданно? а как иначе? Разве часто боги говорят? Нет! Но сейчас они говорят с ним, и как они это делают для Орги не имеет значения, если это сулит Силу!

"Это правильно. Тебе нужно знать все это, Орга. Тебе нужно учиться убивать быстрее и больше. — Неожиданно, будто кто-то положил руку на огромное плечо воеводы. Орк вздрогнул.

"Я хочу, чтобы ты научился понимать эту силу, потому что однажды это может дать тебе преимущество перед противником. Я прослежу, чтобы ты овладел "силой", которую мне только приходилось видеть. Я научу тебя хитрости и разным уловкам. Ты прославишься как величайший вождь всех орков. Твоё имя будут выкрикивать тысячи, стоит тебе только появиться. Ну, как это тебе, нравится"?

О да! Конечно Орга был рад такому знакомству! Ведь Горка и Морка чаще являются лишь шаманам, но сейчас Горка говорит с ним, а значит посчитал его достойным...

Орка вновь разразился диким хохотом. Все ещё смеясь, он зашагал к своему шатру внимая странному голосу в голове, о таинственной неосязаемой "силе".

Принц Гумли был так оскорблён внешностью принцессы Дертейн, что она была отправлена обратно в Карак Изор. Записано, что у неё было лицо, как у тролля, жующего камень. Мы оставили её приданое в компенсацию за тот ужас, который пришлось вынести нашим глазам— Современные Обиды

3. *"Да будет записано, что мы отомстили за смерть неизвестного гнома и тех, кто*

пал от клинков гроби в окрестностях Карак-Акула. Торвальд Молотобоец навсегда войдет в нашу историю, поскольку он вновь сплотил разообщенных гномов в окрестностях гор Карак-Азума".

4. Весть разносится среди подножия Карак-Азума и других далёких земель, что кланы должны братья за оружие. Множество обид потерпел наш народ и по сей день для нас не окончен Великий траур. За эту несправедливость мы не отступим, пока головы всех и каждого гроби не будут сострижены с плеч. Ещё до нас дошла радостная весть, что деревня Карак-Акул, всем своим числом, направляется в Кил-Азар для воссоединения со своими братьями...

После небольшой победы в Змеином ущелье, отряд Торвальда окреп и вооружился лучшим оружием из того, что было у поверженных орков.

Хаакам говорил долго и красноречиво, прежде чем тройка Громобоев из Карак-Акула решила помочь, и эта помощь повлекла за собой первые признаки лавины. Ведь теперь новый клан рос с каждым днём, но ему предстояли естественные для любого народа проблемы.

После битвы новоприбывшие расселись в доме Хаакама, за столом. Обычно Хаакам держался спокойно, а в то напряженное время, когда вёл обездоленных гномов к этим горам, показал себя одним из самых справедливых, незашоренных старейшин.

— Не смей сейчас ворчать, славный Снорри! Не смей! — яростно процедил Хаакам и ткнул пальцем в рыжебородого гнома, старосту деревни Карак-Акула. — Все мы знаем, что нашим воинам нужны настоящие доспехи и оружие. Но и все мы знаем, что нашим женщинам, детям и мужчинам потребуются припасы.

Недовольный гомон усилился. Хаакам замахал руками, стараясь успокоить, призвать к тишине, но и сам еще не знал, что сказать этим старым ворчунам. Правда на любой случай, всегда есть хороший способ...

Хаакам подозвал молодого гнома и приказал ему разлить новоприбывшим последний бочонок пива в деревне.

Парень попытался было возразить, но Хаакам остановил его жестом.

— Если бы я не был Долгобородом, я был бы сегодня с Молотобойцем. Когда у тебя выросла длинная борода, ты начинаешь понимать, чего стоит кусок гнолленгрома (уважения), и почему нужно уважать гнома за пышность его бороды. Вот эта борода говорит тебе, что я стар, а значит мне лучше знать, и ты это тоже понимаешь, поэтому ты слушаешь мои советы, чтобы потом вырасти, став настоящим гномом, и передать свои советы следующему поколению. Запомни, гнома можно оценивать только по его бороде!

Щеки парня, только обросшие щетиной покраснели от стыда. Низко поклонившись, он быстро скрылся за дверью.

"Что за времена настали", — думалось Хаакаму. — "Нынешние гоблины измельчали и стали хлипче, да и ничего уже не делается так, как в старые добрые времена".

Однако, есть дела поважнее.

Он перевел гневный взгляд на восседающих пред ним — троицу гномов Долгобородов.

— Мы это обсудили ещё в Карак-Акуле, — медленно проговорил он, наконец. — Торвальд и его воины...

— Наши воины, — поправил Снорри.

— Нашими они были в те времена, когда ты и я могли сражаться в полную силу и были

камнем, а не рваными мешками с песком! Я знаю, что ты был Железнобородом, Снорри, и защищал самые мрачные шахты Железной Скалы, вместе с бронеломами, но наше время ушло. Поэтому они воины Торвальда и не нужно забывать об этом, ради общего блага!

Снорри и другие хотели ворчать, но истинные слова Хаакама заставили их заткнуться и уткнуться в деревянный, сколоченный на скорую безобразный стол.

Бронеломы обучены сражаться в плотном строю, зажатые стенами узких тоннелей с обеих сторон. Они находят такую позицию крайне удобной для себя, и враги разбиваются об их стену щитов, словно приливные волны о скалы. Непроницаемые, непримиримые и недвижимые, бронеломы формируют непреодолимую громриловую стену, которая сдерживает тьму, изрыгающую потоки ползучих ужасов. Враги падают от ударов топоров, словно озимая пшеница под взмахами косы, а редкие контратаки не могут пробить превосходные доспехи и с лёгкостью отбиваются крепкими щитами.

Посол Бретонии Гнорин Флавий, видевший учения бронеломов, отзывался о них так: *«...Их военные упражнения по справедливости могут быть названы бескровными сражениями, а их сражения — кровавыми упражнениями»*. Вот почему Снорри мог думать лишь о хорошем доспехе и не знал других видов войны.

— Поэтому, благороднейшие Долгобороды, — продолжал Хаакам, — в первую очередь, Торвальд и его воины, непокладая рук трудятся над поиском ресурсов, которые помогут нам не умереть с голоду и построить должные укрепления для нашей быстро растущей общины.

Другой старейшина, Седогрив Белый Ус внезапно и злостно потянул себя за бороду.

— Но оружие! Доспехи! — прокричал Седогрив. — Для победы нужен не только топор, но и щит. Предки и так гневаются на нас, ведь всю нашу историю...

— Всю нашу историю дави сражались лучшим оружием в мире, и будьте уверены, старейшие, мы его получим! — В дверях показал Торвальд с орочьим мечом в руках, а за его спиной стояли прочие гномы-воины.

— Мне не в радость сражаться этим, призренный хламом гроби. Мне нужен молот, из стали, созданной руками нашим предков, но если мои воины умрут от голода, то и молот предка не стоит ни гроша. Я уверен, они согласятся с этим.

Седогрив недовольно посмотрел на Торвальда, потом хрюкнул:

— Мы старые, искалеченные былыми сражениями воины, Торвальд, — произнес он нехотя. — Мы ворчим, это наша судьба.

— Вы ворчите, благороднейшие, потому что вы Долгобороды, — сказал Торвальд и преклонился. — И ваша судьба, наставлять молодых несмышленных гномов подобных мне. Именно благодаря вам, наш народ всё ещё может сражаться.

Долгобороды переглянулись и согласно закивали, внимая истинным, твердым как сталь словам. Ведь этот молодой гном по истине прав. Случается, что даже у самых терпеливых гномов начинают сдавать нервы под постоянным градом попреков от Долгобородов. Тем не менее, гномы сносят всё это в почтительном молчании, а другие и вовсе растут в мудрости не по годам.

— Жажда мести сжигает каждого Долгоборода, но я вижу, сегодня ты мудрее.

— А я вижу на вашем оружии ещё свежие пятна крови, — заметил Хаакам. — Ну же, какие вести из горных перевалов?

Торвальд отпустил своих воинов, а после, присел рядом с почтенными дави. Пока молодой гном разливал последнее в деревне пиво, воин поведал о том, что узнал и добыл в последнем сражении.

Судьба и удача помогли Торвальду найти несколько десятков заблудившихся гоблинов. Обвешанные мешками — до узлов забитыми золотом и прочим добром, — они попали в умелую засаду. А после плененных хорошенько пытали, хотя, это было и не к чему. Ведь гоблины по природе своей трусливы и раскололись при виде первой отрубленной башки.

— Есть больше, намного больше! — пищал один из них. — Рубило, блестяшки, броня, да-да! Мы покажем!

— И я покажу! И я! — кивали другие хлопая ушами.

Торвальд поморщился, однако сделал глоток человеческого пива.

— Конечно. После, мы убили их всех, в этот раз отринув память о чести. Я сделал лишь то, что сделал бы каждый добрый гном.

Долгобороды согласно кивнули, а Снорри добавил:

— Вопросы чести гоблу не касаются! Как и все остальные вопросы гномов, кроме мести.

— И ты прав, почтенный Снорри. Коварство гоблинов не имеет границ, а потому мы поступили иначе, полагаясь на мудрость и предостережения предков...

Как и сказал Торвальд, отряд поступил иначе. Следуя за воронами Грунгни, в обход описанного гоблинами места, они заметили дозорных на вершинах. Под перекрытием скал и ущелий гномы подобрались как можно ближе, дивясь и не веря своим глазам.

— Великий Грунгни... — прошептал Бьёри, — Это ведь гробница гнома! Гоблины грабят гробницу короля!

Гробница была взломана, но судя по поведению множества гоблы — не до конца. Враги злобно металась среди древних развалин пытаясь найти любой способ проникнуть внутрь. Зная мастерство древних зодчих, Торвальд понимал, что ещё есть время отбить древнюю гробницу и не позволить налётчикам овладеть скрытыми в ней сокровищами.

— Мы не можем ждать, — сказал Бьёри. — Воины рвутся в бой, и мы должны нанести удар, пока они достаточно сильны, чтобы противостоять апатии.

Торвальд кивнул, хотя вид у него по-прежнему был озабоченный. Он обратился к разведчикам:

— Есть ли признаки, что они ожидают нападения?

— Нет, предводитель, — отозвался седой воин.

Он разглядывал гоблинов через подзорную трубу, возможно, доставшуюся ему ещё от его деда.

— Я пошлю с тобой Хирда и Фирда, вон на ту скалу, — обратился Торвальд к Бьёри, — их знания в маскировке наверняка помогут тебе в слежке.

Бьёри не сказав ни слова принялся собирать припасы из общей поклажи. Торвальд что-то шепнул другому гному, и вскоре с любопытством появились два бывалых рейнджера. Эти двое прибились к отряду несколько дней назад. Как свойственно каждому рейнджеру, появились они из ниоткуда, были все в пыли, да и вообще выглядели странно...

— Вы двое пойдете с моим помощником, будете делать то, что он велит, и ничего не просите. Пусть вороны Грунгни присмотрят за вами. — С этими словами Торвальд повернулся к отряду, его лицо было таким же твердым и стоическим, как камень у него под ногами.

Среди гоблы было множество Черных волков, поэтому Хирд и Фирд остались вместе с

Бьёри следить за гоблой, ведь только рейнджеры знают как укрыться от острого нюха Чёрных, пока небольшой разведывательный отряд Торвальда не вернётся с подмогой.

— Будьте осторожны, — только и сказал он.

Седогрив в раздумьях схватился за бороду.

— Моя седая борода не помнит королей в этих землях, как и колоний гномов. Что за король, если он король, не записан в книге Дамаз-Крона?

— Моя помнит, — нахмурился Хаакам. — И да, это был король, но мало кто знает об этом...

К вечеру того же дня, взгляд Торвальда упал на пики Карак-Азума. Он ещё помнил, что даже в самый разгар лета вершины Караз-Анкора белеют снегом на фоне голубого неба. Но в этих горах лишь жара и как говорят местные гномы, частые проливные дожди. Погода начинала меняться. Раз или два уже выпадал небольшой дождь. Скоро дожди станут долгими и обильными, и обильнее всего — в горах.

Торвальд обеспечил отряд всем необходимым, а после велел поторопиться. Воины из двух деревень, а так же другие, кто услышал о новом Объединенном клане, уже столпились плохо вооруженной но воодушевленной на подвиги силой, позвякивая в темноте железом.

Торвальд глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Нельзя показывать воинам свою слабость, нельзя посрамить себя перед предками.

— То что свершилось уже не остановить, — сказал он так, чтобы каждый мог услышать Лорда. Десятки факелов освещали его лицо, как камень, без сомнений. — Побывал я во многих краях, повидал я многие печали, но ни о чём не жалею. Равно как не забуду, всех, кто разделил этот путь со мной! Наш отряд нуждается в имени, и мы должны дать его ему. Чтобы в час победы или рока каждый враг запомнил это имя, запомнил и устрасился даже мёртвых!

Полсотни воинов загудели. Впервые за историю Карак-Азума выкрикивая имя гнома:

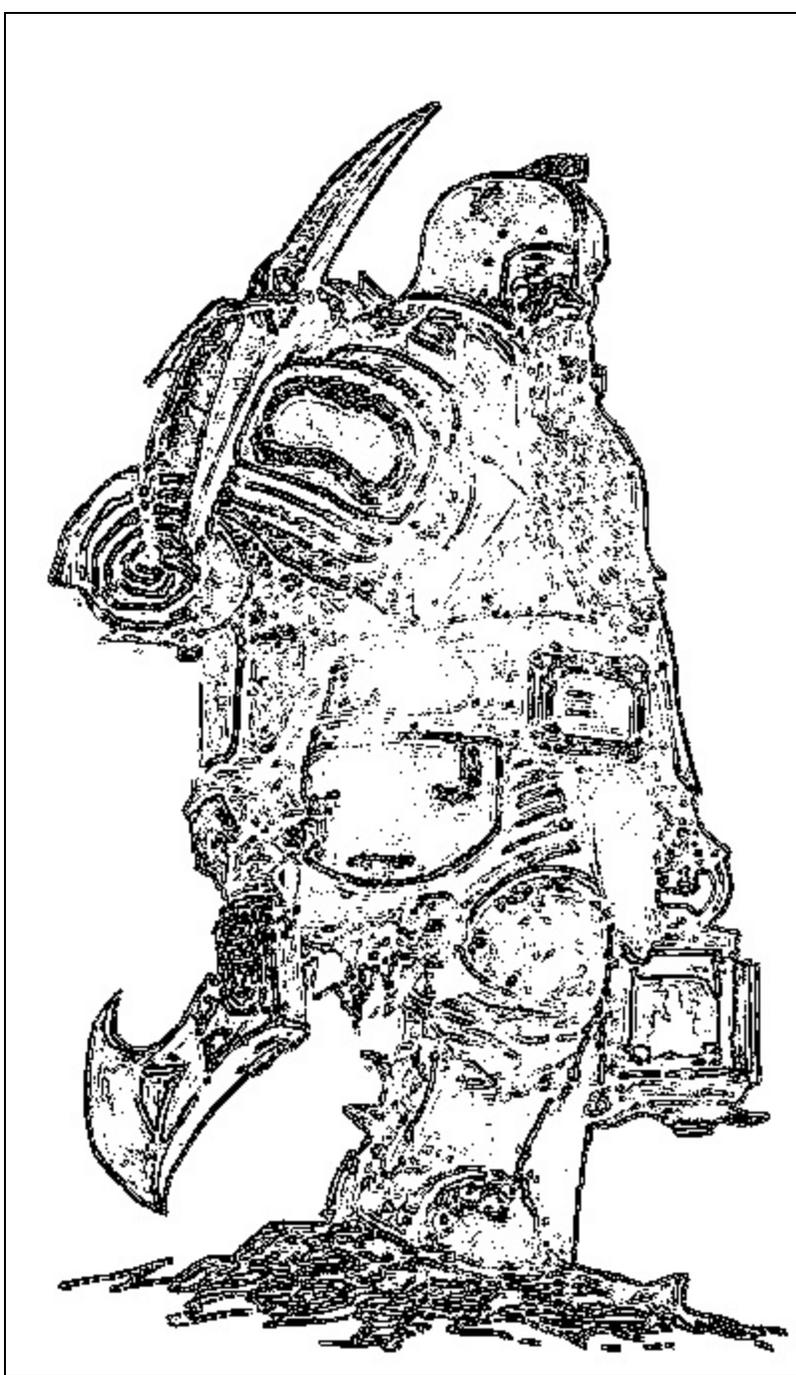
— Торвальд! Торвальд! Торвальд!

— "Гром-Грунд"! — крикнул предводитель. Что значит — Непокорный Молот.

— Гром-Грунд, Гром-Грунт, Гром-Грунт!...

То что свершилось уже не остановить и Молотобоец принял ответственность за это, как и полагается настоящему гному. Судьба и удача, а также духи предков помогли ему добраться до этих мест и осуществить задуманный поступок. Но Хаакам намекнул, что это только начало. Если это действительно так, он пойдёт и дальше, ведомый своей судьбой, как шёл до сих пор.

Торвальд поправил за плечами мешок и, ни разу не обернувшись, зашагал вперёд слушая за спиной топот своего отряда. Отсюда он взял курс к низинам и перевалам, где среди зубчатых вершин и крутых скал спряталась всеми забытая гробница короля Адриана.

Весь оставшийся светлый день, Бьёри, не сводил с гоблы глаз, пока его странные побратимы ползали среди камней, натирали рубахи странным маслом и вообще на его взгляд вели себя странно. Их не волновала эта адская сухая земля, а вечерний дождь и вовсе был в радость.

Не смотря на долгие годы жизни среди этих засушливых гор, Бьёри будто всё ещё помнил прохладные залы и шахты Карака, где место палящего солнца грело тепло очагов, а место света сияли факела и искры могучих древних горнов. Дождь.. дождь и вовсе в те времена для многих подгорных гномов был сказкой.

Конечно, пусть Бьёри и был ещё молодым и по меркам Долгобородов глупым гномом, все же он слышал о Рейнджерах — глазах и ушах большинства гномьих крепостей.

Уходя в дозор, они могут проводить в пустошах многие дни, выслеживая врагов и разных опасных тварей. Именно рейнджеры изучают скрытые долины, протискиваются через обрушившиеся тоннели Подземного Пути и лазают по скалам в поисках новых троп. Рейнджеры с лёгкостью расправляются с одиноким чудовищем или небольшим отрядом

гоблинов, но, встретив грозного противника или армию неприятеля, они сразу же оповестят ближайший гарнизон о надвигающейся опасности.

Несмотря на то, что все крепости ценят такие услуги, нельзя сказать, что рейнджеры глубоко уважаемы. Им приходится много блуждать, часто переходя из крепости в крепость. После многомесячного выживания в пустошах, вдали от проторённых дорог, рейнджеры в лучшем случае выглядят обветренными и поношенными. Многие считают их изгоями, пытающимися заслужить место в крепости. Иногда это так, но часто рейнджерами становятся свободолюбивые гномы, небольшие группы которых покинули уважаемые кланы, чувствуя себя как дома на склонах гор. В отличие от своих братьев, они ночуют под звёздами, сменяя лагерь за лагерь. Поэтому неудивительно, что большинство гномов с недоверием относятся к рейнджерам, считая их не совсем здоровыми из-за свежего воздуха и солнечных лучей.

Чтобы выжить на суровых горных склонах, не имея за спиной крепость, в которую можно отступить, рейнджеры научились скрытности и уникальной для гномов манере боя. Они – отменные охотники и мастера засад, застающие врага врасплох. Рейнджеры могут вызвать сход лавины, заманить врага к обрыву или привести его прямо в надвигающуюся снежную бурю. В бою эти гномы используют обширный арсенал различного оружия – арбалеты для поражения врага на дальней дистанции, топоры для метания и двуручные секиры против поистине внушительных противников. Рейнджеры делают умело скрытые тайники со спальниками, котелками и скалолазными инструментами вдоль своих горных маршрутов, ведь помимо оружия им приходится тащить на себе большой запас припасов. Имея дело с большими силами врага, рейнджеры сначала предупредят всех гномов, оказавшихся на пути продвижения противника, а затем развернут деятельность по уничтожению отставших, выжидая подходящего момента для серьёзного удара. Таким образом, когда войско противника схлестнется с гномьей ратью, рейнджеры нападут с тыла, уничтожая вражеские боевые машины и колдунов-одиночек, неминуемо склоняя чашу весов к победе гномов.

Неоднократно случалось, что даже самые значимые деяния рейнджеров оставались неотмеченными – акты саботажа, вроде сброса пороховых бочек на лагерь неприятеля, отравление припасов различными ядами или заманивание диких зверей на пути следования вражеских армий, чтобы голодные манतिकоры или виверны могли сделать за гномов часть их работы. Тем не менее, не имеет значения, как много ночных гоблинов перебили рейнджеры – большинство кланов ограничится лишь беглым "спасибо" и толикой уважения.

"Все мы теперь рейнджеры", — подумал Бьёри, — "Без крепостей и настоящего дома куда можно пойти".

— Притихли, — наконец буркнул он, когда лагерь гоблы вокруг гробницы запыхал множеством жарких костров. — Я наблюдал за ними весь день, теперь и вы...

Бьёри обернулся и к его огромному удивлению никого не обнаружил. Он стал шаркать в темноте, думая, что возможно его напарники уснули. Нарушили приказ Торвальда и теперь получают нагоняй...

Внезапно, в стороне, он услышал шорох щебня. На этот раз Бьёри разозлился. Он успел привыкнуть к странным повадкам этих чудаков, но в игры играть не намерен. Резко обернувшись на шум, он хотел изрядно поворчать и тут же охватил по голове чем-то тяжёлым.

Глаза его закрылись, и он больше ничего не чувствовал...

Нет, мы не знаем кто такой Адриан! Вернее знаем, но знать не хотим и точка! — Борн Тролебой о короле Адриане.

5. Была послана экспедиция, чтобы отбить гробницу короля Адриана, под предводительством отважнейшего из наших воинов, Торвальда Молотобойца. Мы можем только пожелать им удачи в этом предприятии. Пусть история Адриана как и его гробница забыты и скрыты нашими предками, всё-таки, это история нашего народа, а история и сокровища дави, никогда не будут отданы мерзким зеленокожим добровольно.

Никогда!

Гоблин Сига Спиногрыз имел свой взгляд на любой счёт. Ведь он гоблин и Крупный вожак банды Сломанных Носов, а значит хитрый, подлый и жадный к власти ублюдок. Стоило его банде покинуть становище Жубодеров, как он тут же устремился туда, где по мнению Сиги и ожидало его светлое, кровавое будущее.

Его чуткий на «крутые цацки» нюх, уже давно отыскал гробницу какого-то давно прогнившего дави. И он всем своим черным сердцем вознамерился пробраться внутрь, любой ценой, в том числе ценой жизни сгинувших в ловушках побратимов.

Ведь всю свою жизнь Сига трудился за двоих, чтобы к нему относились хотя бы вполнину так же, как к другим, равным ему и по рождению, и по званию. Но теперь, быть может, наступит час, когда ему больше не придётся сносить все эти издевательства. Добро мертвяка скрытое в этой гробнице, принесёт ему славу, богатство, и, что самое главное

власть. А после, когда его авторитет достигнет нужных вершин, он хитростью отнимет всё у ненавистного Орги, ведь его так легко перехитрить.

Нет-нет, Сига далеко не тупой орк, с примитивным мышлением о мести. Он куда коварнее... как Скарсник! Да-да! Как воевода Скарсник с Восьми вершин. Он не будет топтать и жрать тухлое мясо этого тупого орка, нет-нет! Тьфу!

"Я посажу этого тупицу в самую маленькую клетку", — подумал Сига и рассеянно почесал за ухом своего лохматого друга. Массивный волк Чернорот одобрительно рыкнул и передвинулся поближе. — "Я буду тыкать его вилами и морить голодом, пока не сдохнет. Да-да мой Чернорот, да-да... а уж потом отрежу голову, этим тупым ножом, высушу и повешу на твоё седло".

Огромный чёрный волк словно читал мысли хозяина и так же как Сига недолюбливал Оргу. Украденный ещё щенком у волчицы, он не знал другой любви, кроме как любви к гоблину и поэтому неотступно следовал рядом.

— Тупым ножом... тупую башку, — произнёс Сига задумчиво, пристально вглядываясь в зияющую дыру первых врат подземной гробницы.

С каждым днём гномы становились все меньшей угрозой, и орки, которые привыкли к каждодневным схваткам начинали скучать. Всё больше Орга терял власть и это было лишь на руку Сиге. Одна беда, мерзкая гробница никак не желала поддаваться. Который час его взломщики возятся в подземелье, но казалось бы безрезультатно. Ночью он потерял ещё двоих, а время всё поджимало.

Это приводило Сигу в ярость. Ранним утром он даже набрался духа и попытался сам пройти через все ловушки. Преуспел он только в том, что едва не погиб от выстрела замаскированного самострела.

— Эй, ребята! Моё терпение вот-вот лопнет! — Сига уже собирался вновь взяться за плеть, когда оглушительный взрыв за спиной сбил гоблина с ног.

— Прямое попадание! — хихикнул Борд, гном-инженер единственной мортиры из Карак-Акула. — Давай ещё, парни! Прикроем наших огнём!

Земля содрогнулась, когда ещё одно внушительное ядро разорвало нескольких гоблинов и подняло в воздух огромное облако пыли сквозь которое уже прорывались яростно орущие гномы.

Гоблины падали, крича, а дави словно из неоткуда устремились на лагерь поддерживаемые ружейным огнём. Ревущие гномы набрасывались на гоблу даже с кирками и дубинами, а зеленокожие тем временем отчаянно носились по лагерю пытаясь взобраться на своих испуганных питомцев.

Торвальд бежал в первых рядах и дико размахивая топором раскрыл первому гоблину череп. Тут же вернул его обратно разбрызгивая остатки мозгов и проткнул пасть мечом налетевшего на него разъяренного волка. Вокруг шла настоящая резня и вопли сражения ласкали слух бывшего воина. Он знал, что в этот раз без потерь не обойдется. Гобла отбивалась с вызывающим упрямством, но они не могли устоять перед яростью гномов Торвальда. Множество гоблинов пало от его меча, который не так давно ещё принадлежал оркам.

Он хотел поступить иначе, ударить обдуманно, одним верным кулаком. Но Бьёри и рейнджеры пропали или захвачены в плен, а значит нет времени на подготовку плана. Значит, так тому и быть. Кто бы ни были эти гоблины, они оскорбили Торвальда и весь народ гномов, и Молотобоец готов отдать жизнь в защиту чести, своей и своего клана, как и

другие воины-гномы.

Торвальд выстроил отряд за гребнем холма. Он чуял возбуждение сородичей, чувствовал, как дрожат их тела под постыдной и все же броней, как стискиваются кулаки, желающие обнять новое, полужнакомое оружие. Предводитель поднял руку, уставился на суету внизу, выжидая удобного момента.

— Тогда вперед, — приказал он, и бородатая волна бесшумно хлынула вниз, а после яростно набросилась на ничего не ожидающего врага.

Именно поэтому он не знал о скрытом отряде разведчиков Спиногрыза.

Как оказалось Сига был ещё жив, осколок вонзился в наплечную пластину гоблина и он захрюкал от боли. Он чувствовал, что острие пронзило его кожу, и со злостью выдернул осколок из раны. Чернорот разорвал неудачливого гнома пока хозяин приходил в себя и как только последний выплюнул ком земли, раздался гул его сборного рога.

Десяток всадников рванула из ущелья и напоролась на легко вооруженных гномов, тут же разрывая бедолаг на части мощными клыками и кривыми зубчатыми мечами.

— Давайте же, ребята! — вопил Сига, уже устремившись на волке в самую гущу битвы.

Его клинок рассекал воздух, ударял по щитам и тут же отбивал встречные удары пока Чернорот потрошил ещё одного толстого гнома.

— Молодец, Чернорот, молодец! Сегодня ты поешь на славу. Вот тебе!

Стоило Молотобойцу увидеть как волк разорвал Йордома Пузана, он издал такой боевой клич, что окружавшие его гоблины со страхом расступились.

— Я иду за тобой, зеленокожая мразь! — крикнул он Спиногрызу.

Воевода разразился хохотом, дивясь, как ещё один безумный гном решил покормить его гигантского волка. Эта гробница, эта победа, станут как никогда удачным поворотом в его судьбе будущего воеводы всего **"Вааагха!"**

— Сожри его, Чернорот! Этот самый вкусный!

— Посмотрим, сумеешь ли ты достать меня, щенок! — воскликнул Торвальд.

Волк в тот же миг метнулся к гному под дикий вопль зеленокожего. Но тут же, куборем, покатился вздымая пыль, сбросив с седла седока. Торвальд метал топоры с самого детства и намеренно сперва убил волка, а после подскочил к гоблину, наступил ему на спину и одним сильным рывком оторвал визжащую уродливую башку, теперь уже фонтанирующую кровью.

— Во имя мести предков, — выдохнул Торвальд и вознёс голову над собой. — Во славу великого Грунгни!...

После того, как битва подошла к концу, а множество гоблинов-налетчиков сложили свои головы у ног Торвальда, и его воинов, кровь мерзких гроби и дави смешалась в единую грязную жижу, знаменуя скорбную, но всё-таки славную победу гномов.

Половина славного отряда погибла, без доспехов и должного оружия, за гробницу давно позабытого короля. Гном Йордом Пузан, Альрик Шикарная Борода и Стог Бордог, большк никогда не пройдут по горным перевалам. Память о них вечна.

Не смотря на пытки над выжившей гоблой, Торвальд так и не сумел дознаться о Бьёри и двоих рейнджерах пропавших без следа. Мысли его были самые разные и мрачные и, всё-таки он надеялся, что сумеет отыскать их, живыми.

Однако, не смотря на все потери и точный огонь мортиры, гномы Торвальда

обнаружили пробоину, в потолке подземной гробницы, куда постепенно стал сыпаться щебень и валуны окружающие быстро расширяющуюся яму. Не желая оставлять сокровища гробницы на растерзание мародёрам, Торвальд, скрепя сердце спустился вниз с небольшим отрядом, вооружившись молитвами и факелами.

— Да простят меня предки... — тихо прошептал он.

— Торвальд?

— Слушаю...

Предводитель обернулся и посмотрел на гнома, который безуспешно пытался справиться с огнём дрожащими руками. Предводитель улыбаясь взял его огниво и одним точным ударом создал искру, которая быстро превратилась в пламя медленно поедающие факел.

Казалось, гном слегка пришел в себя. Он заколебался, не решаясь продолжать, но Торвальд кивнул, как будто уже понял, что он хотел сказать.

— Я знаю чья это гробница, дорогой Рульф, — сказал предводитель, освещая сырые чёрные стены и вырезанные на них древние руны. — А что скажут предки мы вскоре узнаем.

Хаакам рассказал Торвальду всё, что знал, — о Адриане, о страшной магической силе короля, о том, что Адриан с помощью сил Хаоса чуть не натравил на гномов полчища демонов, и тогда всех их ждал бы позорный конец. Однако, тот же человек сумел исправить свою ошибку. Торвальд слушал, с трудом сохраняя невозмутимость. Но не мог поверить, что кто-то из гномов мог когда-нибудь избрать в КОРОЛИ — ЧЕЛОВЕКА!

Как можно всему этому верить? Это было похоже на бред потерявшего разум в бесконечных сражениях воина. Человек, сделки с Тьмой... и всё же рассказывал об этом не кто-нибудь, а Хаакам, один из мудрых Долгобородов!

Услышав подобное из уст кого-либо другого, Торвальд счёл бы все это ложью или бредом. Но другие Долгобороды из Карак-Акула, нехотя, все же припомнили некоего человека, который как оказалось даже стал героем, давно забытым героем гномов...

Торвальд вздохнул и, тяжело ступая, направился вглубь гробницы. Чем дальше они шли тем шире становился туннель, а из тьмы веяло прохладой. Каждый шорох отзывался эхом, казалось, будто сами стены говорили, холодным и бесчувственным голосом. Внезапно, над головой явилось слабое голубое мерцание, что вдруг осветило потолок и стены в обе стороны туннеля. Свет издавали маленькие кристаллы, что росли редкими семьями из стен.

На мгновение Торвальда охватила паника, но потом он успокоился и вспомнил, чему учил его Хаакам. В тишине ответ сам пришёл к нему: "Доверяй камню и железу - камень и железо всегда были друзьями гномов".

Торвальд посмотрел на стены, которые были изрезаны множеством рун, и отметил, что ничего подобного не видел прежде.

— Эти руны древние как наш народ, доверимся им как и наши предки.

Он прикоснулся к холодной стене и другие последовали его примеру, а после сияние исчезло, плавно растворилось во тьме.

Но вот вдалеке показался иной свет, освещая своды выхода с туннеля. Он был тусклым словно кристаллы, но все больше походил на алое свечение факелов. Воздух в туннеле стал затхлым, однако сырость отступала, Торвальд почувствовал волнение, но сдержался и решил,

что будет лучше подбодрить следующих за ним дрожащих гномов:

— Не отставать! — велел он. — Я не знаю, что за зодчий строил эту гробницу, но уверен, что даже в древние времена ни один гном не желал зла другому, истинному гному. Поэтому, следуйте под землёй уверенно, как подобает гномам и воинам Грунгни.

Не желая поддаваться страху, он ускорил шаг и спустя мгновение оказался в огромной зале.

Огромное помещение на самом деле оказалось склепом. Внутри кости и черепа покрывали стены и освещались десятком факелов, что направляли вошедшего к огромному саркофагу. В самом же саркофаге ничего примечательного не было, кроме его размеров и цельного шлифованного камня из двух частей. Поэтому взгляд Торвальда сразу упал на две высокие фигуры, неподвижно стоявших с обеих сторон саркофага. Словно невидимая черная аура отталкивала свет факелов от этих фигур и ничего в них не разглядеть кроме тьмы.

Казалось сотни черепов направили на гнома свой взор и следили за каждым шагом. Стоило Торвальду приблизиться к саркофагу, как разыгравшаяся перед ним сцена превратилась в ещё более жуткий кошмар. Стража оживилась, глаза их засияли голубым светом слегка разогнав мрак, и огромная каменная плита плавно сдвигаясь рухнула на пол.

Гномы заметно переживали, их бороды тряслись в такт неясному бурчанию. Они страшно не любят живых мертвецов и всяких колдовских вещей, потому подняли топоры словно способны сражаться с подобной силой.

— Опустите, — прошипел Торвальд. — Опустите топоры! Быстро! А вы — назад. Только спокойно. Никаких резких движений.

Внезапно у него перехватило дыхание, закрылись глаза. Он был смят и раздавлен силой, которая клокотала внутри и вокруг него. С усилием открыв глаза, он увидел бледные туманные фигуры. Одна из них имела очертания человека, а две другие — гномов.

Но духи в одно мгновение заполнили его собой и тут же отпустили. Эта атака совсем опустошила Торвальда; Силы его истощились, и он рухнул на колени.

Тихий звук наполнил воздух, и Торвальд с трудом поднял тяжёлую, как камень, голову.

Теперь они неспешно плавали вокруг него, и гном понял, что его подвергли испытанию и сочли достойным. Достойным молвить слово.

— Не по своей воле мы оказались здесь и не желали ничего дурного, о король, — произнес Торвальд и голос его звучал хрипло.

— Этот титул.. — послышался голос из саркофага, такой мрачный и древний, как склеп, - он дарован мне не по праву рождения или рода, а добрыми сердцами твоего народа, Торвальд сын клана Камня Грунгни. Я не имею права называться королём за свои деяния.

— Люди много болтают, — тихо ответил Торвальд, припоминая все те сплетни и пересуды, которые ему случалось слышать среди людей, — Но память гномов высечена в камне, камень помнит не только о твоих ошибках, но и о расплате.

— Да, — ответил Адриан. — И нет у меня большего позора, и ни в чём не раскаиваюсь я больше, чем в том, что навлек на твой народ безумие демонов Хаоса. Я думал, так будет, лучше и для людей, и для гномов. Они пришли ко мне, юный Торвальд, и рассказали мне о великой силе. Я поверил им. Позже выяснилось, что сила которая должна была сразить зеленокожих, ещё больше ввергла нас в горесть и смерть.

Адриан будто глубоко вздохнул, и на мгновение Торвальду показалось, будто в этом

древнем, могущественном голосе покоится тяжесть всего мира.

— Я знаю почему ты здесь, сын Грунгни и какие цели преследует твой отряд. За свои деяния, вы получите щедрую награду...

Стоило голосу умолкнуть как Торвальду стало легче. Сила его вернулась, окрепла и поднявшись с колен он обернулся к своим друзьям. Внимая таинственному голосу.

— Поспешите, друзья, нам предстоит много работы, — сказал он улыбаясь всё ещё испуганным гномам. — Скорее несите добрую весть ожидающим снаружи братьям — теперь, мы будем сражаться как подобает истинным гномам!

Торвальд не солгал.

Работы было действительно много, но она была приятна и оправдана. Даже после смерти, сила Адриана была столь велика, что лишь повелением голоса тайные комнаты гробницы открылись и гномы, одни за другим, принялись тащить на поверхность, обещанную щедрую награду.

Множество доспехов и оружия древних кузнецов, впервые за тысячу лет, сбросили с себя слой вековой пыли и сияли на солнце гравировкой рунных мастеров. Сокровища, богатство целого Карака теперь принадлежали бедным, измученным скитаниями кланам, но не смотря на тяжесть, гномы усердно тащили их на поверхность, подбадривая друг друга, добрым, а порой и бранным словом.

Эти доспехи были уникальны и древние как Старый свет. Достаточно лёгкие, чтобы носить не утомляясь и достаточно прочные, чтобы выдержать ливень стрел!

Торвальд трудился с остальными на равных и никогда не поступил бы иначе, будь он простым воином или даже королём. Он чувствовал, как множится и крепнет дух, как куются кольца непробиваемой единой кольчуги и не было иной радости для воина, чем видеть воодушевленных и целеустремлённых гномов.

На следующее утро, когда солнце неуклонно стремилось к рассвету, а все дары Адриана были подняты на поверхность, Торвальд вновь отправился в склеп, чтобы поблагодарить за щедрость единственного в истории гномов короля из рода сыновей Зигмара.

— Ты поступил как великий король, — сказал Торвальд поклонившись. — Каждый гном, который последует за мной и ожидает нас в деревне Кил-Азар, узнает о твоём великодушии.

Внезапно, факела на стенах стали тускнеть, едва освещая стены голубыми издыхающими огоньками. Даже с его превосходным ночным зрением Торвальду трудно было в подробностях разглядеть, что происходит, но кое-что он всё-таки увидел.

Из чёрного саркофага показалась рука мертвеца, ухватившись за боковую каменную стенку. Она потянула за собой остальные останки мёртвого короля в боевых доспехах и существо будто посмотрело на Торвальда пустыми глазницами.

А после, то, что когда-то было человеком со скрипом латных пластин медленно выбралось из саркофага и направилось к Торвальду, сжимая в правой руке тяжёлый исписанный древнейшими рунами молот.

Торвальд не отступил, стоял уверенно, гордо, пусть и от страха его сердце опустилось в пятки. Он стоял и смотрел как существо приблизилось к нему и протянуло ему могучее оружие.

— Возьми его.. — раздался голос в голове гнома.

У Торвальда дыхание перехватило — таким чудесным, удивительным показался молот!

Так захотелось взять его в ладонь — ведь как раз по размеру! — ощутить гладкость,

балансировку, странное биение силы... Знал откуда-то: из оружия исходит могущество, каких никогда до сих пор не чувствовал. И всё-таки...

— Великий король, — прошептал Торвальд. — Мне страшно. Я недостойн владеть твоим оружием.

— Возьми мой молот и следуй предназначенной тебе судьбой сын Грунгни, — голос стал тише и казалось слабел, — Этот молот.. ковали твои предки из клана Камня Грунгни Восьми Пиков Карака. Ты поведёшь их... к победе... Молот приведёт твой народ к новому расцвету Империи гномов. Возьми его и круши своих врагов с моим духом внутри, чтобы спустя тысячи лет, я наконец получил прощение погубленных мною душ.. твоих предков.

Его голос утих, и кости рассыпаясь превратились в прах, под шум падающих на землю доспехов. Молодой гном крепко сжимал в руках молот, чувствуя силу и дух заключённые в оружии, дивясь пылающим белым светом рунам.

Следуя к пробоине в гробнице, омраченный тяжёлыми мыслями, Торвальд ускорил шаг. Сверху посыпались камни и земля. Ведь за спиной, все чаще раздавался треск вековых опор, а в склепе древнего короля уже с грохотом падали древние своды. Чем дальше удалялся молот, тем дальше удалялась душа и заключённая в нем сила короля.

Стоило гному выбраться наружу, как снова, в последний раз, из глубин земли послышался грозный гул. Могучие каменные стены обрушились с оглушительным грохотом. В земле открылась огромная трещина, которая поглотила сверху лежащие камни и щебень. Когда земля успокоилась, от входа в гробницу осталась лишь груда обломков.

Гномы взорвались радостным кличем, с благоговением смотря на своего предводителя, вновь по праву названным — Молотобоец.

— Эй вы!

Торвальд и другие подняли взгляды, на скалы, туда откуда раздался голос, шурясь от яркого солнца. На одной из вершин гномы увидели силуэт похожий на человека.

— Бросайте оружие и сдавайтесь, теперь все барахло принадлежит нам, коротышки, — вновь закричал неизвестный и теперь все окружающие скалы заполонили десятки людей вооруженные пистолями и мушкетами. Среди них Торвальд увидел связанного Бьёри.

Вооружённые гномы стояли в окружении вооружённых людей и выжидали: на самом деле ни одна из сторон не стремилась в бой.

— Никому не стрелять, — вступил новый голос. — Сдавайтесь, гномы, будьте умнее.

Судя по реакции людей, этого человека уважали.

Гномы хотели было что-то крикнуть в ответ, но Торвальд остановил их жестом, внимая голосу, что вновь раздался в его голове. А после, прокричал самую ненавистную любому дави фразу:

— Мы сдаёмся!

— Предводитель! Мы..

— Нет славы и чести в том, — отрезал он тихо, но так чтобы каждый гном мог услышать, — чтобы погибнуть от человеческих пуль и оставить наши деревни на произвол судьбы, когда мы столько-то добились.

Он поколебался, затем продолжил:

— Опустите свои топоры, следуйте моему приказу и ни слова не говорите этим бандитам, в особенности, о наших деревнях.

— Но ведь они всеравно убьют нас! — выпалил молодой гном.

Торвальд подумал, прежде чем ответить.

— Не убьют, — сказал он, наконец. — Бароны Порубежных Княжеств не мясники, а всеголишь жадные до наживы выгодные мерзавцы.

Когда Молотобоец заметил их предводителя, его глаза насторожённо сузились. Люди расступились, пропуская своего вождя. Этот человек был высок и строен. Внешность его не производила особого впечатления, но Торвальду приходилось биться со многими хорошими воинами, и он знал, что часто техника боя не зависела от величины мускулов. У некоторых людей от природы властный вид.

Человек и гном смотрели друг на друга. Внезапно с быстротой, которой не ожидал от него даже человек, Торвальд швырнул свой молот на землю, а после также поступили и другие.

— С кем имею честь говорить? — прогрохотал гном.

— Барон Фридрих фон Вайн, к вашим услугам!

Глава 6 Барон-разбойник

Монеты людей не более надёжны, чем их слова. Носи с собой весы и держи топор наготове! — гномья поговорка

"К югу от Империи, за Чёрными горами, возле перевала Чёрного Огня, лежат дикие, почти незаселённые земли. Сюда иногда отправляются лишённые власти имперские дворяне, и на холмистом пейзаже часто можно увидеть маленькие замки и форты, в которых обитают эти враждующие между собой феодалы. Из-за этих баронов-грабителей страна и получила название Порубежных княжеств.

С юга страну ограничивает Кровавая река с раскинувшимся за ней Скверноземельем. Оттуда на Порубежные княжества постоянно нападают орки и гоблины. Кроме того, бароны содержат армии наёмников, чтобы сражаться друг с другом, расширяя свои владения.

Также в Порубежные княжества приходят Некроманты и другие гнусные колдуны, так как тут они могут не опасаться факелов охотников на ведьм.

На восток, у подножия Краесветных гор, предводители бандитов сражаются с орочьими боевыми вожаками за перевал Чёрного Огня. Тот, кто им владеет, может легко грабить неосторожных путешественников из Империи или караваны, которые посылают для торговли с поселениями в Порубежных княжествах.

Во имя Зигмара! Настанет час когда император восстановит порядок на этой земле!

Ведь среди мрака бесконечной войны и смерти – всегда есть свет. Этот свет не всегда столь яркий как может показаться, бывает он запятнан и покалечен тяжёлой или неудачной судьбой. Но свет есть свет как его не называй и он борется за свою жизнь, всем чем может позволить эта истерзанная земля".

6. Странный вести дошли до нас. Четыре дня прошло с тех пор, как Торвальд Молотобоец отправился с отрядом на битву у гробницы Адриана, но обратно так и не вернулся. Отправленные нами разведчики докладывают, что множество гнусных гоблинов и их волков сложили свои головы у гробницы, также были найдены могилы двадцати шести гномов похороненных неподалёку, но остальные воины исчезли. Нам лишь остаётся надеяться, что Торвальд и его отряд живы и их отсутствие связано с вынужденной целью.

7. Прошла неделя с тех пор, как отряд Торвальда покинул Карак-Акул, но по сей день от них нет вестей. Однако не смотря на исчезновение Торвальда, его дело продолжает жить, а наша община неумолимо разрастаться. Сегодня, на пятый день Борога Вер Андин, к нам присоединились ещё две деревни, а так же две группы Шахтеров изгнанных из Карака-Индар. Мы надеемся, что Торвальд вскоре вернётся с хорошей вестью и добычей.

Прохладный ветер взъерошил чёрные волосы Фридриха, обдувая его хмурое лицо. И всё-таки, как приятно было снова оказаться в необжитых краях этого мира. Замок с его вечным шумом, запахом нечистот и скотины тревожил барона. Порубежье напоминало ему его земли, где он провел свою молодость; зелёные холмы провинции Штирланда.

Уж пусть лучше ветер — очищает разум, а выпивка — сотрёт воспоминания.

Он был, как всегда, на своей верной лошади, Эсталии. Перед ним и позади него через

холмы шла боевая ватага, весёлая и болтливая, восхищаясь своей добычей.

— Не знал, что гномы грабят свои же гробницы, — оруженосец Форд Брайт, прислушивался к веренице следующих за ними гномов. — Я знаю гномов, барон. И клянусь своими сапогами, что-то тут неладно.

Барон Фридрих Фон Вайн посмотрел на оруженосца.

— Будь ты на их месте, ты поступил бы иначе, Форд? — спросил он, растягивая слова. — Мгновение назад эти оборванцы стали самыми богатыми гномами среди Пустынных гор, а теперь, пока мы едем верхом они следуют за нами, в кандалах, из этой треклятой гробницы. Я думаю им есть над чем подумать.

Форд позволил себе вольность:

— Простите за дерзость, сэр, возможно в вас говорят Штирландские корни? — неуверенно произнес помощник. — Боюсь полурослики далеко не гномы, сэр.

— За меня говорит нужда, юнец. Мы вынуждены так поступать — никому в Империи ни на йоту нет дела до нас...

Он не сводил взгляда с почерневших холмов. И теперь, мог наблюдать за ними с помощью подзорной трубы отнятой у гнома.

— Чтонибудь видите, сэр? — Форд, наморщив нос, достал из дорожной сумки кусок ткани и протянул ее хозяину.

Последнее время "скверна" просто таки охватила замок барона прочным кольцом: у неё не было преград, ей нечего противопоставить. Поэтому Вайн отмахнулся:

— Разве это, похоже на обычное поветрие? Выбрось эту тряпку, сержант.

Он убрал подзорную трубу в дорожную сумку и остановил взгляд на двух начищенных пистолях — лучших пистолях в Порубежье. И мысленно наставил себя не забыть их почистить.

Фридрих фон Вайн брезговал щитом, чурался он копья и топора, а стрелы вовсе презирал. Но меч и пистолы, истинное оружие всего рода благородных отпрысков Вайна, были истинным наследством его прадеда дебошира из Штирланда. Вместе с тем, он заслужил репутацию великолепного, хитрого и свирепого воина, неуклонно следующего обетам своей семьи... Пока этому не суждено было измениться.

Теперь, барон-разбойник Фридрих фон Вайн сумел быстро привыкнуть к здешним законам и прославился среди народа как уважаемый барон. Он заботился о своем замке, но скверна всё больше поглощала окрестные земли и ему остро не хватало золота и сил.

Высокий, статный, чёрные волосы до плеч, стального цвета глаза, аккуратные, пышные усы — он воплощал собой образ имперского полководца. Однако его умение справляться с другими баронами и наводить порядок в своих землях, никак не помогли ему остановить распространение тёмных магических сил.

Порубежье истерзано болезнями. Откуда они пришли — неизвестно, но главное — они продолжают распространяться. В некоторых замках уцелевшие едва успевают подбирать мертвых, погребальные костры горят день и ночь... а заражённых всё больше.

В узких переулках замка Фридриха уже бродят ночные кошмары. Они предшествуют распространению скверны...

— Тяжёлые времена нынче наступили, барон! Люди грабят гномов! — прокричал Торвальд.

— Ты прав! — Ответил Фридрих. — А гномы грабят свои же гробницы. Как говорят у меня на родине: "Где навоз, там и полурослик".

— Гномы никогда так не делали!

— Теперь делают. Это печальная необходимость. Не думаю, что вы оказались здесь спроста, ещё и в этих лохмотьях.

Под Торвальдовым взглядом Фридрих покраснел, затем отвернулся. А ярость Торвальда чуть поутихла. По крайней мере, барон понимал: происходящее неправильно и противоестественно. Молотобоец это увидел.

— Я бы не стал оскорблять гномов такими способом, сэр, — вполголоса произнес сержант. — Все в Порубежье знают, что они обидчивые парни. И бьюсь об заклад, если в гномьих крепостях узнают о нашем дельце, нам несдобровать, — сержант покосился на солдат. — Уж точно не с этим, отребьем.

Сражения в отдалённых землях от Империи сделали из этих людей крепких бойцов, но всё же они неотёсанны, имеют предосудительный вид и склонны пьянствовать и дебоширить в тавернах, а также заниматься грабежом и мародёрством. Бойцы ополчения как правило носят собственную, невзрачную одежду, которая может иногда походить на униформу и часто включает элементы цветов своей провинции. Эти воины вооружены только собственным личным оружием: луками, мечами, дубинками или (особенно в сельских областях) сельскохозяйственным инструментом.

— Конечно, они походят на недисциплинированную толпу, сержант, но люди дерутся с удвоенной силой, если они защищают свой дом и очаг, — парировал Вайн. — А эти... горстка грабителей, вот моё мнение. Мне нет дела до обид гномов, темболее, когда эти сокровища так нужны нам.

Небо уже давно заволкло серыми тучами. Вот-вот сорвётся дождь и возможно хоть немного сумеет отмыть не так давно зеленеющие холмы, от охватившей их чернеющей мертвой пелены. Конечно, барон давно не верил в такие пустые надежды, наоборот — будет только хуже...

Внезапно Торвальд хмыкнул. Будто вспомнив нечто забавное:

— Кто не слышал о подвигах сэра Фридриха фон Вайна? Все промышляете добрыми делами?

— "Сэр" Фридрих давно погиб, — ответил барон сухо.

Торвальд добродушно усмехнулся, а затем сказал:

— Тем не менее его призрак едет рядом со мной, и на вид — он куда ловчее и живее мёртвого, — настаивал он. — Многие хотели бы узнать, что заставило вас сменить должность аристократа, на грабёж и мародерство!

— Многим лучше не знать, что сделало барона разбойником.

— Верно! Многим лучше не знать, какие призраки живут в душах тех, кто заплатил за праздность кровью невинных. Полезное умение — резать глотки изысканно. Ведь так, сэр Фридрих фон Вайн, Бич Штирланда?...

Барон оцепенел.

Оруженосец покосился на господина, но вопросов задавать не стал. В те далёкие времена, лишь немногие знали эту тайну, но и они унесли её с собой в могилу. Откуда ему известно об этом? Уже два десятка лет никто не называл его так, и столько же лет, он пытался забыть это... прозвище. Есть призраки, которые лучше никогда не выпускать из самых мрачных темниц души.

— Сокровища гномов не помогут тебе исправить то, что здесь происходит, — Торвальд махнул рукой звякнув цепями, обводя оскверненный пейзаж вокруг них. — Ты, как и я,

прекрасно знаешь, твоя земля умирает. Скоро тьма воцарится здесь.

Фридрих не ответил, ведь проклятый гном был прав, пусть и оставалась надежда. Он яростно прищорил Черную Весть, и кобыла полетела в голову отряда, где началась какая-то возня.

Когда-то Фридрих из Вайна был аристократом из благородной обеспеченной семьи. Однако военные трубы заставляют бурлить кровь в венах молодых людей, и многие не могут ждать нужного возраста, чтобы отличиться на поле боя. Лидерские качества Фридриха позволили ему собрать своих друзей и сформировать собственный полк пистольеров. Каждый из них дрался впервые. Будучи неопытными, они были склонны к импульсивности и порывам. Вдохновленные понятиями героизма и мужества, пистольеры бросались на врага с необузданной яростью. Такая пламенная храбрость ожидалась и приветствовалась в пистольерах, среди государственных полков Империи, но только под строгим надзором старших, которые умеют направить её в нужное русло. Возможно именно отсутствие контроля и привело Фридриха к ошибкам, статусу вне закона, а после и тернистой жизни барона-разбойника.

Несколько месяцев назад барон построил ряд укрепленных форпостов на границе. Они должны были служить сигналом, в случае каких-либо изменений в области владений княжества, а так же следить за любым продвижением скверны. Один из таких постов как раз находился впереди и наблюдал за холмами, которые плавно перерастали в скалистые предгорные образования. Форпост давно должен был заметить их. Ведь на пути отряда к Пустынным горам (Карак-Азума) командир гарнизона отметил, что личный состав находится в отличном расположении духа и заверил барона в том, что на время отсутствия господина он усилит бдительность и будет чаще высылать боевые патрули.

Однако суматоха Налётчиков впереди, вызвала у Фридриха дурное предчувствие. Он молнией пронесся рядом с фургонами, до верха забитыми гномьим добром и проехав между раступающимися солдатами увидел то, чего так боялся.

На какое-то время он просто оцепенел и не отводил взгляда от представшей ему картины. Слушая, как блюют окружающие, барон сам с трудом сдержал рвотный рефлекс. А после, за спиной послышался тихий, дрожащий голос Форда:

— Зигмар Великий, — прошептал он, подъехав на своей серой кобыле. — Это же резня. "Хуже", — подумал Фридрих. — "Здесь, прошла кровавая пляска смерти"...

И он был прав.

Вряд-ли можно как-то иначе описать или рассказать, о том "праздничном" наряде, что украшал частокол и стены казарм, обилием органов, гирлянд из кишок и вездесущих луж крови. Всюду лежали обглоданные и истерзанные тела солдат, с застывшим предсмертным ужасом на лицах.

Внезапно начался дождь. И без того мрачный вид заполнили кровавые ручьи, которые бежали к ногам всё ещё застывших солдат и только подошедших пораженных гномов.

— Видишь гном? — процедил Фридрих. — Мне нет дела до твоих обид.

Торвальд промолчал. Он вытер с густых бровей капли дождя и звеня кандалами указал на крышу, туда где не хватало несколько досок. Барон проследил за его взглядом и ловко спешился.

— Форд, — окликнул он сержанта, — мушкет мне.

— Конечно, сэр! — Форд спешился и стал нервно дергать мушкет, который зацепился мушкой за изношенный чехол, при этом раскрыв рот от увиденного.

Острый глаз барона тут же заметил движение на чердаке. Сначала показалась мускулистая и казалось бы деформированная какой-то болезнью рука, безобразные когтистые пальцы впились в доску и на крышу забралось существо некогда бывшее человеком. Но теперь, это было мускулистое бледно-зеленое чудовище, покрытое язвами, волдырями и, с ужасной, набитой острыми зубами окровавленной пастью. Существо зарычало и принялось быстро спускаться, с лёгкостью орудуя когтями.

— Ружье мне, — повторил Фридрих и протянул руку. — Чертовы яйца! Живо!

Солдаты отступая подняли мушкеты и мечи, но никто не стрелял. Форд наконец-то достал ружьё и передал его хозяину, который тут же, навскидку нажал на курок, но выстрела не произошло....

Чертов дождь!

Раздался залп из ружей, но пропитая пулями тварь неуклонно устремилась к барону и когда его меч скользнул из ножен навстречу прыгнувшей бестии, голова её разорвалась и оно рухнуло у самых ног барона, запачкав и без того грязные сапоги черной, прогнившей слизью.

Наконец все стихло. Форд открыл глаза — существо было мертво. Пальцы сжатые, язык торчит из остатка пасти, тело казалось высыхало на глазах. Тишина повисла такая глубокая, что Форд слышал прерывистое дыхание барона — и своё. Переглянулись, ошеломленные. Конечно, оба и сами владели оружием, но какой выстрел!

— Кто стрелял? — Фридрих стряхнул с сапога остатки мозгов твари.

— Не знаю, сэр, — ответил Форд наблюдая за холмами слева. — Стреляли оттуда, но, похоже там больше никого нет. Возможно мы...

— Нет! — отрезал он. — Кто бы это ни был, я не буду разделять свой отряд. — А после взглянул на Торвальда. — Возможно, ты что-то знаешь об этом, гном? Нет?

Торвальд лишь наивно пожал плечами.

Человек ещё немного поглазел на него, потом отвернулся. Торвальд не был уверен, что убедил его.

Форд и другие солдаты, всё не могли отвести взгляда от этого "существа", обступив его плотным кольцом. Парень нервно поправил промокшую шляпу.

— Труссы Шалии... Какие силы подняли с могилы этого мертвеца и, что с ним чёрт возьми стало?

Барон бросил сержанту мушкет и уселся на свою лошадь.

— Возможно ты и разбираешься в повадках гномов, Форд, но на восточной границе Штирланда под мрачной сенью Краесветных гор лежит Сильвания, которую многие смертные считают самой дурной областью во всей Империи. Так что, я немного разбираюсь в нежити...

Землю унылых холмов, проклятых болот и окутанных туманом лесов избегают все разумные путешественники. Только самый безрассудный смертный решился бы отправиться в путь после наступления темноты, и очень редко странствующему рыцарю или утомленному пилигриму когда-либо удавалось найти приют в тихих замках, возвышавшихся в Сильвании. Под тенью вампиров её жители превратились в испуганных, подозрительных и суеверных людей. Ночью крестьяне в жалких деревушках запирают двери на замок и засов, развешивая пучки ведьмогона и дьявольского корня на закрытых ставнями окнах в тщетной надежде, что эти защитные травы отгонят тех, кто тревожит их по ночам. Даже такие отъявленные грубияны и храбрецы, как сборщики налогов курфюрста Штирланда, носят амулеты, благословлённые священниками Морра и Зигмара, и отправляются в

сопровождении не менее, чем из пятидесяти человек, когда повелитель посылает их собирать там налоги.

Чтобы создать подобную тварь, вампиру нужно напоить своей драгоценной кровью обычного упыря; эта пародия на Темный поцелуй вызывает глубочайшее неодобрение у всей сильванской аристократии вампиров. В простонародье их называют "Ужасом из склепа", вампиры же называют их "отродьем". Самым страшным их оружием являются длинные когти, покрытые заразной гнилью и мертвечиной.

Всадник взглянул на распластавшегося упыря.

— Эти твари, — продолжал барон. — выходят из своих укрытий только во время войны. В целом, упыри считаются одним из самых презренных видов нежити, ведь они даже не умерли по-настоящему. Но даже лёгкая царапина этих когтей способна убить коня...

Солдаты шустро отступили от трупа.

— Сэр, я вижу конного впереди. Нам открыть огонь?

— Нет, — выдохнул Фридрих. — Зелёный... с чёрным. Это наш гонец!

Гонец с трудом остановил Чернокрыла, леснящегося мерина, такого же чёрного как его имя. От разогретого всадника и его коня исходил пар, они так же промокли до нитки.

— Господин, я... Зигмар великий! Что здесь произошло?

Барон схватил парня за плечо.

— Ближе к делу, Райт. В чем дело?

— Господин! Дело... дело в том, что с другими фортами случился тоже самое, — Райт не мог отвести взгляда от чудовища.

— Что с замком? Говори!

— С замком все в порядке, господин. Ваш наместник приказал тщательно проверить всех беженцев и закрыть ворота. А после послал меня отыскать вас.

— Молодец. Я не сомневался в Кайзене. Нужно выдвигаться, немедленно!

— Что делать с мертвыми, сэр? — кто-то выкрикнул из толпы.

— Ничего, — ответил Вайн, неприятно поразив всех. — Раз уж нежить настолько объявила себя, ночью можно встретить тварей, с которыми не совладать и всему отряду...

Когда налетчики оставил позади кровавую бойню, гномы вынужденно следовали по пятам, нахмуренные от своей неудачи. Как же они умудрились так легко попасть в руки людям? И правильно ли поступил Торвальд, а может вернее храбро умереть?

Бьёри, плелся следом за предводителем, безуспешно пытаясь разогнуть кандалы. И теперь, наконец, Торвальд мог задать мучивший его вопрос:

— Куда подевались рейнджеры? — спросил он, на Кхазалиде, языке гномов, чтобы люди следующие впереди не могли разобрать их слов.

— Они бросили меня, Торвальд! — проворчал гном сердито. — Позволили схватить меня этому "умги-ха", этим мерзким "сказ-ал"! — сердито ответил Бьёри.

— Значит умгал не знают о них?

— Наи, эти ящерицы закопались в песок! Будь прокляты их короткие бороды. Какое это имеет значение сейчас?

Торвальд обернулся, улыбаясь.

— Ты ещё слишком молод, Бьёри! — сказал он. — Слишком молод, чтобы знать, повадки рейнджера. Аи, они живут на поверхности и не часто слышат похвалу за свои заслуги, — Торвальд бросил взгляд на черные, гниющие от скверны холмы. — Но каждый владыка Карака знает, рейнджеры всегда где-то рядом.

8. Радостная весть! После последней записи, в тот же день, к нам прибыла Странствующая гильдия из сотни хорошо вооруженных торговцев. Не было придела их радости увидеть наши кланы, которые считались во многих крепостях давно погибшими. Предводитель гильдии, Торстен Вонгайн принял решение помочь нашей общине и оказать любую военную поддержку нашему клану, до весеннего солнцестояния.

Джофри Доглад был очень обеспокоен, и непосредственной причиной этого служило страшное раздражение, в котором пребывал его наставник. Когда отряд Торвальда отправился к гробнице глаза Хаакама горели задором, словно он сам отправился на поле битвы.

Но теперь, спустя неделю, не смотря на то, что Объединенный клан с каждым днём принимал все новых гномов, а торговая гильдия привела с собой воинов и припасы, Хаакам не находил себе места без конца блуждая среди палаток и новых укреплений, в надежде увидеть возвращающийся отряд.

Каждый день Джофри и Хаакам посещали жён пропавших воинов, пытаюсь успокоить их истерзанные сердца, а после принимали новоприбывших гномов с другими ворчащими Долгобородами.

Когда Хаакам наконец уставал от постоянного блуждания (а старик не смотря на отсутствие ноги уставал крайне долго) он поучал Джофри истории гномов. И частенько припоминал Молотобойцев.

Он говорил, будто они считаются наиболее умелыми бойцами во всей гномьей армии. Их отряды состоят из тех, кто отличился не только силой и смертоносным боевым мастерством во множестве битв, но также и безграничной верностью и стойким характером. Молотобойцы с лёгкостью сокрушают отряды врагов на своём пути, словно тяжёлые кувалды - сланцевую руду.

Облачённые в отполированные до блеска тяжёлые гномьи доспехи, размахивающие своим могучим оружием молотобойцы устремляются в бой. Молоты со страшной силой врезаются во врагов, и только зачарованные доспехи способны устоять под такими ударами. С треском и грохотом молотобойцы пробиваются через вражеский строй, вздымая вокруг тучи разлетающихся обломков щитов и доспехов, и даже головы отлетают прочь под этим свирепым натиском. Войско гномов можно легко узнать по двуручным молотам, которые поднимаются и обрушиваются вокруг королевского штандарта, выбивая монотонный звон, очень похожий на звук удара молота об наковальню посреди огромной подгорной кузницы...

На восьмой день отсутствия Торвальда, рейнджеры торговой гильдии принесли дурные вести.

— Дядя Хаакам! — позвал хриплый голос Джофри.

Хаакам замер, не дописав фразы, убрал перо от Книги Обид, чтобы не капнуть чернилами ненароком.

— В чем дело? — спросил у младшего гнома, в надежде, будущего Долгоборода.

— Новости от рейнджеров! Все старейшины уже оповещены.

"Началось" — подумал старик. Хотя лучше, чем сидеть без дела и не знать, что твориться вокруг. Джофри знал, что Хаакам не любит сидеть без дела, но и сам чувствовал знамение беды.

Гости расселись за круглым столом. Это были те, кого боялись, уважали и почитали больше всех среди гномьих кланов. Одни были молоды на вид, ибо их жизнь в большей степени прошла среди кузниц, шахт и мастерских. Другие были мрачны даже по меркам гномов, ведь на их плечах лежит огромный груз — унаследованные обиды многострадальной и не знающей прощения расы. И все они терпеливо ждали, пока два старших рейнджера займут свои места и выпьют положенную пинту.

— Приветствую тебя, Хаакам Громобоец, — гном сбросил мокрый плащ и мрачно кивнул собравшимся.

— Я первый скажу, — сказал второй, Глоин Стреломет отодвинув от себя деревянную кружку. — Прошлой ночью наши арбалеты поработали на славу, мы заметили гроби у Карак-Дрома и хотели зачистить от них восточный перевал. Дурная моя борода! Если бы я знал сколько там этих ублюдков! — Глоин опустил кулак на стол, словно молот на наковальню, заставив подлететь наполненный кружки. — Я потерял пятерых, а после ещё одного, от гробьевской стрелы! Умирая, он сказал их там сотни, а может тысячи, огромный палаточный лагерь к юго-востоку от Карак-Азума. Они ищут нас!

— И вскоре найдут, — добавил Снорри. — Уже неделю мы ждём Торвальда Молотобойца, какого черта он увел наших воинов, когда они так нужны!

Хаакам искоса посмотрел на Долгоборода и положил руку на плечо Джоффри.

— Смотри молодой гном, смотри! Так выглядит безумцы которые теряют веру в Грунгни!

Снорри сердито отмахнулся, а Хаакам продолжал:

— Мы не знаем почему отряд Торвальда до сих пор не вернулся и терять надежду на их возвращение, как минимум — недостойно. То количество воинов, что он забрал с собой, а так же подобие оружия в их руках, ничем не поправят дело! Я не знаю ни одного Молотобойца, что бросил бы свой народ и уверен Торвальд сделает всё, что в его силах!

— Пусть говорит Рыжая Грива, — сказал Торстен, предводитель Странствующей гильдии.

— Мы хорошо исследовали место битвы, — сказал второй рейнджер. — И среди следов гномов и гоблы, мы нашли следы умги и множества повозок.

— Умги? Они то тут каким боком? — удивился Снорри.

— Они отправились на запад, туда где песок и камень плавно перерастает в зелёные холмы. Следы гномов ведут за умги.

— Ничто в мире так не постоянно, как золото и вероломство эльфов, — вклинился Седогрив и добавил, — но умги, это постоянное непостоянство. Даже их торговцы, они тебя как липку обдерут! Дай им кинжалы выйдут первоклассные разбойники! Да будут прокляты их задницы!

— Я слышал от одного приятеля, будто эти земли просто кишат умги-грабителями и другими отбросами Империи, — Торстен нахмурился, — Если они взяли наших воинов в плен.. Однако, правда твоя, Хаакам. Этот Молотобоец напоминает мне пивовара и рейнджера Йозефа Багмана, между прочим лучшего в своем деле...

После падения многих твердынь гномов, Багман и его бесстрашный отряд рейнджеров, исходили Краесветные горы вдоль и поперёк. Бесчисленное количество беженцев было спасено и напоено крепким пивом, после чего рейнджеры провожали их к скрытым укреплениям среди вершин.

— ...весть об этом дошла и до наших ушей. Надеюсь, я ещё пожму руку этому гному.

— Есть ещё кое-что.. — добавил второй рейнджер сверкнув глазами. — Неподалёку мы нашли другие следы. Кто-то отправился за умги в стороне и тщательно заматают за собой следы.

— Как же вам удалось их отыскать? — поинтересовался Хаакам.

— Рейнджер всегда сумеет выследить рейнджера...

9. На следующий день после прибытия гильдии, к нам пришла тревожная весть. С юга и юго-востока предгорий Карак-Азума надвигаются орды Зеленокожих. Перед тем, как умереть от раны в спине от гробивской стрелы, рейнджер успел сообщить, что Карак Ундо и Карак Дром пали в лапы мерзких зеленокожих. Проходят дни, когда мы могли надеяться отомстить за тех, кто пал от рук орков и других зеленокожих, но мы будем продолжать сражаться в отмщение за мертвых. Торвальд - мы молимся предкам о твоём возвращении.

"Меровеш, герцог Музильона, был гордым воином, отчаянно желавшим восстановить престиж и честь своего владения, которые оно имело в правление Ландуина. Сбитый с истинного пути своими развращёнными советниками, но преисполненный благородными намерениями, Меровеш увлёкся вещами, неподвластными ему и не контролируемые им.

Когда Красная оспа поразила Бретоннию, Меровеш и его рыцари, что было странно, оказались незатронутыми. Когда появившиеся тысячи отвратительных крысopodobных существ начали убивать и калечить, Меровеш увидел, что его время прославиться пришло. Отправившись на юг со своими рыцарями, закованными в чёрную броню, он убил тысячи этих тварей Хаоса и прорвал осаду Брионна. Маршрут, взятый его армией, в точности отражал путь, пройденный до него Соратниками Грааля Жиля, ибо он тогда направился на восток, пересекая Каркассон. Его сны были заполнены кровью, смертью и ужасом — в своем заблуждении он в самом деле полагал, что был возрождённым Ландуином, и что он единственный, кто может спасти Бретоннию.

Меровеш пригласил герцогов в свой замок на большой пир, устроенный в честь победы. Многие видели в нём избавителя, поскольку он спас Брионн и Кенель. Однако пир привёл в ужас благородных герцогов. За обедом прислуживали неуклюжие слуги, и герцоги были потрясены, увидев насаженных на кол и пронзённых преступников, выставленных в зале. Меровеш вообще не мог понять их смятения, и уже осушив немало кубков прекрасного борделосского вина, пьяно утверждал, что его гостеприимство было обеспечено. Король отверг обвинение Меровеша и возразил ему. В гневе, Меровеш обвинил короля в зависти и интригах против Музильона. Король по всем правилам бросил вызов Меровешу, хотя другие герцоги просили позволить им покарать бесчестного рыцаря. В последовавшем бою Меровеш дрался подобно демону и вырвал горло короля голыми руками. Меровеш поднял свой кубок и наполнил его кровью короля, а потом пил из него. Другие герцоги спешно покинули Музильон, чтобы собрать свои армии, преследуемые скрюченными тварями и уродливыми крестьянами.

В последующие месяцы Меровеш был публично осуждён Феей-Чародейкой и недавно коронованным королём. Лоонуа начал массированное вторжение в Музильон, и многие рыцари Музильона с радостью подняли оружие против своего сеньора, не желая быть связанными со своим развращённым герцогом, и поклялись в вассальной верности Лоонуа. Столкнувшись с мощью всей Бретоннии, Меровеш в конце концов был убит, хотя много храбрых воинов пало от его клинка. Справедливый гнев бретонцев против деяний герцога показал жителям Музильона, как запятнана их собственная честь, и они устремились.

— **Омерзительные деяния кукловодов Нагаша**

Бретония

Когда он отнял ладони от кристалла, сияние медленно угасло.

Сиваш намеревался заняться незаконченными делами, но игнорировать требования некроманта выйти на связь, он не отважился.

— Говори, Сиваш!

Вампир поморщился отчасти от злобы, а отчасти от обычного отвращения. Он никогда не испытывал особого восторга по отношению к некромантам и, если бы не слишком высокие ставки в начатой игре, не опустился бы до общения с этой мразью. Но Сиваш был уверен: иногда ради блага своей "нежизни" и своего рода вампирам приходится совершать неприятные поступки, перешагивать через собственные желания или предпочтения. Если для достижения великой цели некоторые вампиры сумели пойти на союз с людьми против богов Хаоса, то и он, Сиваш, сможет объединить усилия с Дораном. Временное соглашение с некромантом не из великих составляло лишь небольшую часть далеко идущих замыслов вампира. Он просто использовал Дорана, играя на его тщеславии, изображал раболепие, а сам заставлял некроманта действовать в своих интересах.

— Все идёт по плану. Орки готовы обрушиться на гномов и уничтожить их.

— Хорошо. Я получу ни с чем не сравнимое удовольствие, зная, что мертвые гномы присоединятся к моей армии, вместе с этими дикарями.

— Я тоже, — совершенно искренне согласился Сиваш, однако его представление об этом слегка отличалось от грез некроманта.

Доран фон Нульн оказался весьма полезным союзником, поскольку они оба страстно желали избавить мир от гномов и захватить власть в землях баронов. Но как только война закончится и люди сгинут, придет пора и самому Дорану покинуть этот мир.

— Чем скорее исполнится наш замысел, тем лучше! Прощай, вампир!

Он забрался в ветхую хижину гнома, единственную уцелевшую после налёта орков. Жалкое зрелище... Матрас не толще краюхи хлеба, вместо замка это подобие жилища, одно прикосновение к которому вызывало отвращение у благородного аристократа. Поэтому Сиваш старался не заходить туда, до тех пор, пока солнце не взойдет и солнечный свет не становился совсем уж невыносимым. Крупная крыса юркнула в прогрызенную в стене дыру, заслышав шум его шагов.

Сиваш вздохнул бы, если бы смог, покоряясь безысходности. Помимо общение с низайшим его больше всего мучил тон, сопровождавший появление некроманта. Ведь нет ничего хуже прислуживать некроманту, тому, кто должен служить вампиру, вести его армии, а иногда и стать едой. Ведь именно вампиры чаще всего обучали темным знаниям этих безумцев, ввергая их в ещё большее безумие скверны Нагаша — если конечно не убивали, высасывая желанную всеми вампирами кровь. Однако, этот некромант владел знаниями запретных фолиантов имел достаточно сил для своих темных заклятий, а Сиваш... Сиваш лишился слишком многого. Но ради власти и силы, ради возможности отвоевать Музильон, ради мести, стоило потерпеть.

Меровеш был крайне кровавым властителем и безумцем как принято в Музильоне(Земле отчаяния), разрушающемся портовом городе, окружённом зловонным болотами, равнинами и трясынами реки Грисмери. Земля, которую избегает вся Бретония. Долгое время никто не подозревал, какое проклятие постигло доблестного графа. Все это время Сиваш был рядом и видел как его дядя сходил с ума охваченный странным недугом...

Вампир не знает старости. Со временем его могущество только возрастает: он становится всё сильнее и быстрее, пока не начинает разрывать человека пополам и обгонять ветер. Сверхъестественные способности тоже усиливаются, хотя их направленность может различаться. Одни учатся повелевать животными, такими как волки и нетопыри, и даже принимать их облик, другие преуспевают на поприще некромантии, а третьи обретают гипнотический талант, одним взглядом подчиняя смертных своей воле.

После того как Кровавый поцелуй коснулся и Сиваша, а его тело навсегда перестало дышать, он обрёл способность повелевать умами, развращать казалось бы даже самые здоровые головы. И если бы не безумная кровожадность Меровеша, со временем они правили бы всей Бретонией, а возможно и большим...

С древнейших времен вампиры были проклятием всего живого. Не был исключением и нечестивый род фон Карштайнов, правивший мрачной Сильванией. Не оставляя попыток подчинить себе людей, лорды этого рода снова и снова собирали огромные армии нежити. Честолюбивые некроманты, бесчисленные зомби, безмолвные скелеты, зловонные упыри и свирепые варгульфы - это лишь немногие из кошмарных тварей, которых способен призвать и подчинить высший вампир.

Но теперь он должен направлять этого верзилу, безмозглого орка дикаря остатками своих гипнотических сил. Пусть так или иначе ему это удавалось, но чтобы вбить в тупую башку этого Орги хоть какое-то решение, требовалось время и множество терпения. Но постепенно, даже эта тварь научилась элементарной магии и теперь темная энергия "Вааагх" и знания Нагаша ведут целую орду Зеленокожих мясников. Пусть изначально они пляшут под дудку некроманта, но вскоре, при должном положении дел, неумолимая орда орков и мертвых двинется в земли Музильона. Во главе истинного повелителя мертвых и будущего короля Бретонии.

И к тому же:

«Порой удар в спину — не подлость, а необходимая мера»...

Довольный и отчасти гордый собою Сиваш выглянул из хижины, дабы взглянуть на сумеречное небо. Да, закат сегодня на славу. Это отличный повод насытиться вдоволь.

А сейчас, настало время решить ряд дел и восполнить увядающую силу. Питаться кровью орка, значит добровольно напиться яда, поэтому выбирать особо не приходилось. Сиваш открыл двери коморки и оттуда раздался писк, который на самом деле был криком ужаса связанных женщин гномов...

Кто сказал, что некроманты безумцы? Кто сказал, что желание править и иметь неограниченную власть безумнее повадок других властителей? Каждый стремится подчинить себе других, не особо выбирая методы и то, сколько крови будет пролито ради своих амбиций. Темболее, что многие из них и без того владеют огромными силами, а Доран всего добился сам. Ему не нужны безграничные страдания живых, лишь беспрекословное верное подчинение.

Некроманты, из тех, кто изучает магические искусства, несут самое тяжёлое проклятие, ибо они обменяли человечность на умение поднимать мёртвых и повелевать ими в войнах с живущими — именно так их представляет инквизиция Империи людей.

Обычно именно люди, а не расы-долгожители, погружаются в изучение некромантии. Возможно потому, что у эльфов столь долгая продолжительность жизни, они не считают нужным продлевать её не природными методами. Гномы не имеют склонности к магии, не говоря уже о жажде осквернять почтённых мертвецов. Орки и гоблины мало задумываются о собственной смертности и не боятся смерти так, как люди. Большинство скавенов тоже слишком заняты собственным торопливым следованием пути Рогатой Крысы. Поэтому обычно только лишь люди становятся на путь, который приведёт их либо к особенно

ужасному виду вечной жизни, либо к вечному проклятию. Эти отдельные личности изначально не обязательно злы. Некоторые могут жаждать знания ради знания, другие могут стремиться к бессмертию или тому, чтобы продлить жизнь тем, кого любят. В любом случае, нечто на их неестественном пути неизменно ведёт их к более тёмной дороге. Возможно, это ужас и отвращение, которые окружающие чувствуют по отношению к ним, или, может быть, пульсирующая энергия тёмной магии, что искажает их разум. Как бы то ни было, когда люди идут по пути некромантии, безумие всегда где-то рядом.

Как каждый безумец, Доран себя таковым не считал и в большей степени был прав. Ведь темная скверна магии сдерживалась в умелых терпеливых руках некроманта и направлялась в нужное русло свойственным Дорану спокойствием. Другие дела, которые отнимают множество сил и искажают разум, он доверяет своим безвольным подчинённым или этому обездоленному аристократу.

Конечно, доверять вампиру равно, что подписать себе добровольно приговор. В конце концов, вампир - эгоистичное существо, сохраняющее множество черт характера и побуждений, которыми оно обладало, будучи смертным. В то время как самые дикие из их рода существуют лишь чтобы питаться, часть жаждет владеть миром и подчинить себе живых. И всё же, несмотря на всё коварство и обаяние, вампир мёртв, у него нет ни сердцебиения, ни дыхания. Они - гниющие трупы, которых постоянно поддерживают тёмная магия и бессмертная воля. Необходимость сохранять свой внешний вид высасывает из вампира энергию, и в случае давления или злости он может открыть своё истинное лицо.

Доран отлично изучил повадки вампиров, а так же все доступные фолианты касающиеся Проклятия Нефераты. Он знал, это существо мертво, а значит, возможно, управляемо как и другая нежить. Все что нужно, это пересилить безмерную волю, уничтожить гордыню, а после схватить за горло этого наивного Сиваша.

Да, он верит в эту возможность, стоит лишь зацепиться за первый замок Порубежья. Его способности, его армия возрастут в разы, а знания наконец преодолеют застоявшиеся границы. Вот тогда он возьмётся за этих выскочек вампиров, что отказали ему в знаниях и ещё пытались сожрать, сделать послушным мертвецом, коими он сам теперь управляет.

Изучение некромантии окутано тайной. Чтобы познать тёмное искусство, изучающий должен либо найти некроманта или вампира и стать его учеником, либо отыскать запретную книгу, полную тайн бессмертия, такую, как одна из легендарных девяти Книг Нагаша. Именно эта присущая им таинственность заставляет некромантов становиться слугами графов-вампиров в надежде учиться непосредственно у повелителей бессмертия. Стоило лишь вкусить малую толику силы, и была она сладкой и дразнящей, подобно капле мёда на кончике языка. Но его отвергли, посчитали не достойным этих знаний...

Настало время поквитаться.

Доран поднял высохшую руку в повелительном жесте. Постепенно и без того серое небо затянули неестественно чёрные тучи, а позади его изодранного плаща послышался нарастающий шум. Он сжал кисть в кулак. Зелёная энергия охватила тело, искажая окружающее пространство и отпуская его почерневшую фигуру плавно впиталась в землю, убивая и высушивая всё живое вокруг.

Неутомимая, непреклонная и ужасающая она последовала за ним, восставая из земли, пропитанная злобой могильных курганов. С ней нельзя договориться, её нельзя подкупить или остановить. Она не знает ни страха, ни жалости. Ей не нужны ни сон, ни тепло, ни питьё, ни хорошая пища - это видение судьбы, ожидающей всех живых существ.

Это марш неумолимой смерти...

И восстанут они из могил своих, чтобы идти на мир живых. Каждый смертный, который падёт, пополнит их число, пока не останется только мир тьмы. Только тогда мир узнает о вечном порядке, который лежит за покоем нежити. ГРИМУАР НЕКРОНИУМ, ГЛАВА XII

История Жуфбара, Легенды —

...Во Времена скорби землетрясения разрушили внешние укрепления крепости Жуфбара и осушили озеро, и уже тогда, когда гигантские колёса со скрипом остановились, пришли враги. Орочьи племена осадили город со всех сторон, в то время как из бесчисленных тоннелей пришли скавены и ночные гоблины. Сражения шли по всему разлому, и большая часть механизмов была уничтожена. В какой-то момент гномьи защитники были оттеснены в свои чертоги, пока упрямо не перешли в контрнаступление и не сбросили множество врагов со склонов. К их удивлению, в разлом стекло столько крови, что несколько целых управляемых молотов заработали вновь, и эти приспособления быстро пошли в дело, заставив уцелевших врагов отступить. Жуфбар устоял, но нижние уровни были разрушены. Понадобилось триста лет чтобы их восстановить.

Никто и не знал о том, что два младших механика Хирд и Фирд остались под разломом, среди развалин древних машин и, с каким злом предстояло им столкнуться...

Собрав всё необходимое снаряжение и уцелевшие механизмы из руин окружающих молодых гномов, братья решили откопать старые туннели и выбраться наружу, в надежде, что и другие гномы уже копают в их сторону — если те ещё живы. В подземных палатах не прекращался грохот и шум постоянных работ, но Хирд, все поглядывая на новые странные разломы, в нижние неизведанные пещеры. Когда гномы отключили бурительные машины, чтобы отдохнуть, они услышали мрачный шорох доносившийся из-под земли... а после, из пещер стали медленно выползать десятки Арахнароков...

Одна из самых больших и опасных пород пауков, которые когда-либо населяли леса и подземелья Старого Света выбралась наружу и стала строить себе новое логово в ожидании когда гномы из верхних палат откроют для них путь; они настолько огромные и страшные, что могут одолеть великана и нести на своей спине целый отряд воинов лесных гоблинов. Гигантские пауки являются отличными бойцами, во многом благодаря своим хелицерам, подобным стальным щипцам. Хотя пауки и не такие быстрые, как лошади, волки или же кабаны, но при этом они могут передвигаться по любой местности и через любые преграды, благодаря своим восьми подвижным конечностям.

"Мы не позволим этим тварям выбраться наружу, мы убьем их всех, поочередно", — пробормотал Хирд, и Фирд согласился с братом.

Гномы Жуфбара мало что знают о битве которая произошла под землёй. Судить о ней можно лишь было из трупов огромных пауков, которым так и не удалось выбраться наружу. Всё что слышали гномы, это частый грохот взрывов раздававшийся из-под земли, а после и он утих.

Когда инженеры Жуфбара всё-таки сумели пробиться к нижним палатам и,

затхлый, смердящий запах ударил им в ноздри, из тьмы показались два истерзанных гнома, с ног до головы облитые паучьей слизью. Они поковыляли на свет опираясь друг на друга ни сказав ни слова и по сей день никто не знает как им удалось одолеть столь могучую и ужасающую силу.

Говорят, что после братья покинули Жуфбар и больше их никто не видел. Кто-то думал, что они умерли от яда, другие говорили будто после перенесенного ужаса гномы не сумели вернуться в подземелья и стали в ряды рейнджеров, а после погибли среди хребтов Черного перевела"...

Когда Хирд и Фирд узнали, что люди Порубежья схватили гномов и реликвии древних предков, их охватила ярость. Преодолевая холмы и овраги, рейнджеры пытались поспеть за ускоренным маршем вероломных людей.

Они думали, что пленных посадят в повозку или, может быть, в фургон, вроде тех, которые везли сокровища гробницы. Но гномам не досталось и такой малой чести! Их просто привязали к одному из фургонов и заставили плестись позади. После стольких лет, проведённых "в поле", у рейнджеров был очень высокий порог терпимости к людям, но за эту обиду, надобно ответить!

Их переполняло возбуждение. И это поддерживало силы.

Казалось, что путь длится целую вечность, но солнце, хоть и очень медленно, всё же ползло по небосклону. Дорога сделала поворот, и перед ними во всём своём неколебимом величии и славе предстал один из первых замков Порубежья, известный как крепость Розенрот. Именованный "Розочкой" за огромное количество черных роз, растущих в замке и за его пределами, он укрепился среди скал, а башни мрачно возвышались над стеной, словно бутоны из черного камня.

Они наблюдали с далека, за тем как отряд прошел дорогой цветов к крепостной стене. Барон крикнул, чтобы их пустили, и до рейнджеров донёсся звук открывающихся тяжёлых ворот, а после, они со скрипом сомкнулись.

Между тем, будто надвигалась буря. Небо стремительно густело и темнело над замком, тьма накрывала землю своим плащом.

— Что делать то будем, брат? — Фирд спрятался за большим валуном, выглянул: ишь, ещё и пушки есть. — Это самая серьезная крепость умгал, из тех, что мне доводилось видеть.

Прежде всего гномов поразила ужасная вонь, что преследовала их всю дорогу. Фирд вспомнил вырезанный форпост людей, но здесь пахло гораздо сильнее и с каждой минутой все хуже. Он поморщился.

Хирд заметил это и засмеялся.

— Клянусь твоей бородой, брат, эту "крепость" строили люди, а значит и в ней найдется шёлка. Тоже учуял как она смердит? — Хирд сдвинул брови, схватил свой мешок и принялся усердно копошиться в содержимом, пока не извлёк оттуда два рунных камня. — Нам лишь нужно подобраться поближе.

Фирд готов на всё, что потребуется, ради освобождения своих братьев из неволи. Однако, эти камни, вызывали у рейнджера подозрения. Кователи рун не произносят заклинания, а выбивают их молотом по наковальне, запечатляя силу Ветров магии в могущественных рунах. Они ревностно хранят секреты своего ремесла, позволяющего создавать магическое оружие, доспехи, кольца и талисманы великой силы, о которой другие расы могут только мечтать. Беда только в том, что эти камни достались рейнджерам от

одного очень древнего Кователя рун, который, как казалось, был малость не в себе...

— Ты так и не понял, — выговорил Фирд поспешно. — Этот гном старше гор! Я думаю он и под себя гадит, а за руны вообще молчу!

Хирд сначала реготнул, а после стал слишком серьезным. Как в день разлома Жужфбара.

— Мы ведь гномы, брат, — сказал он и схватил Фирда за плечо. — Гномы своих не бросают, сражаются до конца и всегда чтят своих предков. Это значит, что мы с тобой пойдем до конца, не страшась творений безумца Долгоборода. Пусть его разум затуманен, но изделия настоящего мастера ни когда не подведут руки своего творца, на сколько бы безумен он не был.

И всё-таки... и всё-таки Хирд прав.

Словно в подтверждение его слов грянул гром. Небеса раскололись от череды сверкающих молний, и пошел дождь, щедро посыпая траву холодными каплями. Внезапно, за спиной послышался довольно знакомый нарастающий звук — звон железа шагающей армии.

Рейнджеры обернулись и увидели как чернеет горизонт, от поступи первых рядов легиона смерти. Возвращённые к не-жизни благодаря тёмному искусству некромантии, эти проклятые души пробудились от покоя, чтобы вершить тёмные дела по воле своих тёмных мастеров. Они расползались по земле, их ряды разбухали от трупов, и местами даже духов, мертвых людей. И уже различался в первых рядах, марш прогнивших скелетов.

Теперь все стало на свои места. Ужасная вонь доносилась с востока. Это был запах разложения и смерти!

— Да тут веселье намечается! — воскликнул Хирд и расхохотался. — Когда боги смеются, нам тоже надобно смеяться, брат. Ну что? возьмёшь его? — он сунул камень Фирду под нос.

Гном медленно покачал головой и сам выхватил камень у брата.

— Дай сюда! Пора бы нам отсюда сваливать!

Они собрали свои сумки и подобрали оружие с земли, а после ударили камнями по кольчуге. И тут же исчезли оставляя следы на мокрой траве, среди роз на пути к Розенроту.

— Наместника сюда! — заорал барон. — Сержант! Быстрее, гномов в темницу! Стрелков на стены, пушки, припасы всё что есть, выполнять, прямо сейчас! Мертвые на подходе!

Когда колокольный звон ударил на всех башнях, Фридрих фон Вайн сразу понял в чем дело. Все к этому шло, слишком хорошо он знал как действуют эти твари, их нападение всегда лишь вопрос времени. Некромант, вампир, баньши или стриг, один чёрт от битвы не уйти.

Но Фридрих Фон Вайн и не собирался.

Он натворил слишком много ошибок в своё время, слишком много жестокости сотворил его отряд и теперь, когда он заявил права на этот замок и поклялся защищать всех жителей окрестностей Розенрота, он будет сражаться до конца, до последнего вздоха.

Легенды гласят, что замок возвел Барон Фрайд, человек честных и благородных правил. Он засеял свои земли чёрными розами и поклялся, что как только очистит эти холмы от проклятий, розы станут красными и вновь зазеленеет и воспрянет в окрестностях трава, а народ его будет процветать, в покое, счастье и порядке.

Барон погиб три года спустя. Он был истерзан ужасом могил, а тело его и вовсе исчезло...

Воодушевленный рассказом и твердо решив искупить свою вину, Вайн вступил в сражение с скверной Нагаша. И даже казалось бы побеждал, но теперь, наблюдая с стены за огромным войском, он лишился всякой надежды, однако от клятвы не отступил и твердо решил сражаться.

— Сэр.. — окликнул Фридриха сержант. Взглянув на представшую картину у стен замка он ужаснулся и двинуться не мог от удивления — будто окаменел от солнечного света, как тролль, и поделаться нечего.

— Подтянись, мальчишка! Ты не у мамки в деревне. Ты выполнил приказ?

— Я...

Тут он запнулся, но справился с собой и продолжил сурово:

— То есть да, я отдал все указанные распоряжения, сэр. Мы... милорд, мы ведь умрем сегодня?

Он с ужасом огляделся. Мало что вселяет страх в сердца людей больше, чем вид оживших мертвецов.

— Слишком много, — прошептал он. — Их там слишком много. О, до чего же их много...

Сила некроманта была огромна. Перед замком сгрудились сотни, а может быть, и тысячи мертвецов, которые вот-вот смертоносной рекой потекут к крепости.

Отступать было некуда. Так или иначе, они ворвутся в крепость и убьют всех живых.

Облаченные в ржавые доспехи, они безжизненными пальцами сжимали рукояти мечей, топоров и копий, которыми сражались при жизни. В их пустых глазницах горело нечестивое пламя. Они беззвучно строились в подобие шеренг и колонн, чтобы молча ожидать приказов своего нового командира. Одни топтались по собственным частицам гниющих останков, другие по чужим, с блуждающими взглядами и безвольно отвисшими челюстями. Время от времени тут и там возникало вялое бормотание, но, очевидно, это было лишь побочное действие темных сил, потому оно почти тут же утихало.

Что тут творилось? Неужели эти существа когда-то были сородичем человека? Сержант знал, каковы мертвецы на самом деле, знал, какие они устрашающие, какие безвольные. Он ожидал, что... впрочем, он сам не знал, чего ожидал, но, конечно, не такой ужасающей, непобедимой орды.

Армия тьмы подступила на расстояние полета стрелы. Самые крепкие, свежие мертвецы, подкатали тяжёлые катапульты и пушки, другие же, волокли таран и лестницы.

Они готовились к штурму.

— Хвали день в конце, сержант, — наконец ответил Фридрих и другие часовые обернулись на барона прислушиваясь к его словам. Он передал Форду один из мушкетов и сам принялся заряжать другой, — Не думай о том, что будет. Есть только здесь и сейчас. У этих мертвецов, как равно и у тех кто их ведёт, нет ничего кроме жажды или пустоты. Но у тебя мой друг, есть жизнь. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последней битвой на земле, есть особое всепоглощающее счастье. У тебя всегда есть надежда, а у них ее нет!

Сержант выпрямился и постарался напустить на себя смелый и самоуверенный вид. Постепенно и дрожь его утихла, наблюдая как другие войны направляют жерла пушек на врага, заряжают мушкеты, готовят мечи. Сотни, нет, тысячи мертвецов против четырех сотен

живых воинов, за стенами крепости... победой тут и не пахнет. И всё-таки, зачем сдаваться если можно достойно умереть, как положено воинам Зигмара. Сражаться потому, что ты сам так решил.

— Смотрите, сэръ! Там, впереди.

Один из отрядов мертвых расступился, пропуская двоих неизвестных. Они направились к стене и Фридрих различил лысого некроманта в плаще и идущего рядом с ним облаченного в доспехи скелета. В руке мертвеца был длинный меч Цвейхандер. Нет, Вайн не верил, что этот молодой ублюдок мог собрать такую рать и не ошибся.

— Приветствую тебя, Фридрих фон Вайн, — сказал некромант ухмыляясь. — Я принес благую весть!

— Чего тебе надобно? Зачем твой хозяин прислал тебя, слизняк?

Лысый пропустил насмешку мимо ушей. Он обернулся и указал рукой назад, на конного, в самом конце огромного войска.

— Мой... наставник, великий Доран. Вскоре, он станет новым хозяином всего Порубежья и властителем всех живущих и мертвых. Его великая воля и милосердие предлагают вам сдаться и выбрать путь живых слуг. Ведь это лучше рабов, в виде мертвых. Не так ли, барон?

Адепт ухмыляясь указал на стоящего рядом мертвеца. Фридрих положил мушкет на плечо.

— С чего ты взял, безхребетная тварь, будто люди замка Розенрот добровольно сдадутся на вашу милость? Живыми или после смерти мы не желаем быть рабами твоего хозяина и никогда не сдадимся. Если же он хочет говорить, почему сам не вышел на встречу?

Некромант откинул голову назад и захохотал.

— Ох, — выдохнул он и утёр с глаз выступившие слёзы. — Ты коварен, барон. Не уж то ты думал, будто мой наставник не знает о лучшем стрелке Порубежья? Хочешь решить все так просто, барон? Нет, у тебя нет шансов! Твои стены пробьют осадные машины, а после в дело пойдут трупы твоих же солдат! Посмотри на стоящего рядом со мной мертвеца. Ты разве не узнал его доспехи? Да они слегка потеряли свой прежний вид, но как не узнать того, кто воздвиг эту крепость и стал твоим кумиром, как не узнать августейшего барона Фрайда! Склонись, Вайн, иначе, это — станет твоей судьбой.

Скелет склонился, а после, по велению некроманта рухнул на колени. Пусть его тело давно прогнило и даже кости держались лишь по воле черной магии, казалось он смотрел пустыми глазницами на свой замок с муками и тоской, пошатываясь, раззинув челюсть. Люди со стен с ужасом наблюдали за оскверненным телом барона и страх воцарился в их сердцах. Но лишь на мгновение.

— Хорошо, что ты привел этого почтенного воина, раб, — ответил Фридрих, — если душа этого человека знает о том, что происходит, он возрадуется, ибо то, что его замок не склонился ни перед тобой, ни перед твоим хозяином, достойно даже в поражении! Вот мой ответ, некромант!

Он резко снял мушкет с плеча и снёс чернокнижнику макушку, одним точным выстрелом. Последний ещё стоял, с выпученными глазами, пока его лицо и плащ заливали потоки крови, а после рухнул на землю.

Доран тут же вознёс свой посох. Глаза его засияли темной энергией Нагаша, а после несколько изумрудных лучей разбились об стену забрызгав группу солдат. Они извивались, крича, а плоть их почернела и увядала, полностью отслаиваясь, чтобы показать отбеленную

белую кость под ней.

— Всем приготовится! — прокричал Фридрих. — Заряжай, целься, огонь!

Раздался залп, загрохотали пушки сметая первую волну врагов. Шипящая волна устремилась к стенам, под ответный огонь катапульта и орудий.

Началось...

— Бросили, бросили и всё тут! — причитал Бьёри, расхаживая взад вперёд по темнице — Я не могу поверить!

Бьёри так погрузился в свои невзгоды, что сначала не обратил внимания на то как начался штурм. Неужели для этого он порвал со всем, к чему привык? Чтобы закончить жизнь в плену, среди вялых, безвольных созданий, которые вот-вот разорвут людей на части? Бьёри задумался о том, что было хуже: охотиться среди скал, для выживания своей деревни и спать в тёплой и сухой постели и слушать ворчание старого Хаакама пока их не отыщут и не вырежут гроби или быть запертым здесь по парно с гномами, безоружными и голодными, на завтрак этим гнусным тварям?

Ответ не заставил себя ждать: и то и другое было невыносимо! Стараясь не привлекать к себе внимания, Бьёри осмотрелся, потихоньку выискивая возможность для побега, но заметил, что и те немногие, кто нёс дозор в темнице, поднялись наверх и тоже поспешили на крики, скорее всего присоединившись к битве. Это должно быть достаточно просто. Всего-то несколько стальных прутьев, которые, почему-то, ни грамма не поддавались! Гном яростно заворчал.

— Сядь! — гаркнул другой дави. — Будь ты гномом в конце концов!

Стены содрогнулись, ещё раз осыпав бороды гномов слоем пыли. Он вновь подорвался с нары и вылупился на щель заменяющую окно, стараясь хоть что-то разглядеть.

— Слышите? Кажется штурм начался! О великие предки! Мертвые разобьют их, а после возьмутся за нас. Право слово, такой себе гномий курятник! — В его голосе ясно прозвучало презрение к самому себе, гримаса отвращения исказила и его лицо.

— Бьёри..

— Нет, я не боюсь мертвых! — грозно пробурчал он дёргая решетку на окне. — Я не вижу зерна! Отборной курице, отборное зерно, позовите стражу в конце концов! Чёртовы рейнджеры!

— Бьёри! Обернись ты, гобла тебя дери!

— А?..

За открытой дверью темницы стоял бывалый дави с арбалетом в руках, а за ним толпились остальные гномы во главе с Торвальдом Бургасом.

— Но как! Как?! — схватился Бьёри за бороду и захохотал, не веря своим глазам.

— Несколько рунных камней и навыки скалолаза всегда делали свою работу, Бьёри! — ответил Хирд. — Доверяй камню и железу — камень и железо всегда были лучшими друзьями гномов!

— Погоди-ка! А где же Фирд?

— Здесь! — послышался совсем рядом разъяренный голос Фирда и Бьёри тут же получил затрещину. — Ещё раз услышу, что-то в нашу сторону, и клянусь твоей бородой, она станет малость короче!

— Как думаешь, — спросил Торвальд, пока Бьёри удивлённо потирал затылок. — Долго

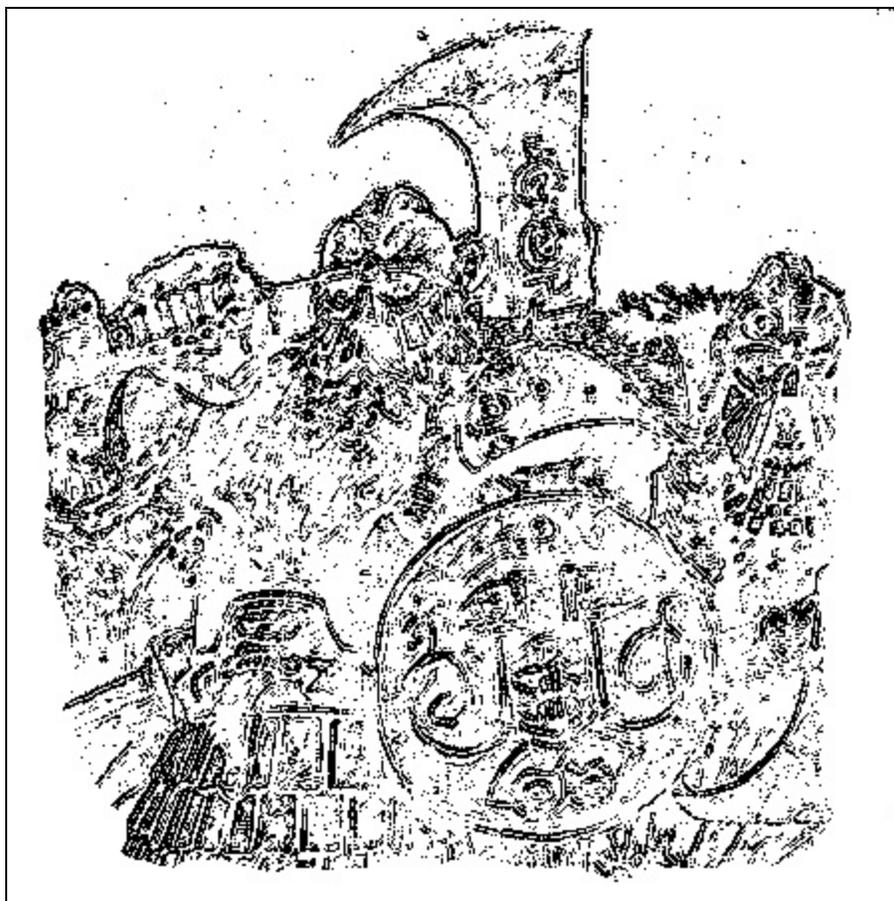
ещё он будет невидимым?

Фирд наивно пожал плечами.

— Такого ранее не случалось.

Послышался топот и гномы полетели в стороны от разъярённых толчков, а после невидимый рейнджер направился к винтовой лестнице, наружу.

— Я ведь говорил тебе! Этот старик был безумцем! О Грунгни Великий, верни мне моё тело...

В тот самый миг, мертвецы штурмовали стены под частые удары снарядов и камней. Земля содрогнулась, когда ещё одна внушительная глыба врезалась в толстые стены замка. Огромный кусок скалы разлетелся на сотни губительных осколков, сметая ползущих на стены мертвецов. Неважно сколько этих тварей рассыпется, важен только результат. Они срывались со стен под непрерывным огнем и ударами защитников, а после вновь восставали с помощью темных сил, напирая с новой воющей силой.

Барон фон Вайн прострелил ещё одному адепту грудь своим высокоточным мушкетом отыскав его среди мертвецов. А после, с трудом, отбилась от поднявшегося по лестнице зомби, который навалившись на него всем телом пытался порвать глотку когтистыми пальцами. Рядом он видел парня, которому не повезло: несколько мертвецов потрошили внутренности ещё живого воина.

Мёртвые достигли укреплённых ворот, и к звукам сражения добавился ужасающий, ритмичный стук тарана.

Ворота содрогались под обстрелом.

Долго они не выдержат.

Вайн покачнулся, когда ещё одна глыба разбилась об стену. Жрец Зигмара, занятый

исцелением раненных, пал замертво, даже не успев заметить угрозу. Почувствовав, что кто-то находится у него за спиной, барон едва успел развернуться, чтобы выставить меч навстречу нападшему на него высокому, прогнившему и невероятно быстрому мертвецу, владевшему огромным мечом - Цвейхандером. Вайн рыкнул, когда могучий меч порезал его руку, и по ней потекла кровь. Он парировал удар вовремя, остановив дальнейшее погружение вражеского клинка в свою плоть и со всей силы оттолкнув его. Труп пошатнулся, но Цвейхандер вновь взвился. Отвратительный серый череп стража могил не выдавал никаких эмоций.

Барон рассмеялся и усмехнулся.

— Большая честь встретиться с вами в битве, барон Фрайд.

Страж могил молчал в ответ; его безмолвие было зловещим.

— Во имя Зигмара! — прогрохотал человек.

Мечи схлестнулись. Страж скверны был умел и могуч, но Барона переполняла его семейная гордость. Он вспомнил о том, как лихо его предки сражались с Владом фон Карнштайном, одним из величайших властителем мертвых, когда либо живших во вселенной; Страж могил резко оборвал сражение и застыл, когда меч вколосся в его мертвое тело. Второй удар, третий, и мертвец пал на камень, разрубленный на части.

— Конец, — выдохнул Вайн. — Знайте, Фрайд, я до последнего сражался за ваш замок...

Все вокруг бросались на устрашающих врагов, стреляя и сталкивая не-жизнь со стен замка. Сержант, сражался в тылу, храбро отбиваясь от свежих мертвецов. Ведь те кто погиб в сражении с врагом, также восставали и набрасывались на тех кто мгновение назад сражался с ними плечом к плечу. Даже внутри замка уже были погибшие, которые пытались прорваться к женщинам и детям, но и тут сержант ещё давал им отпор, с отрядом храбрых ополченцев.

Люди безуспешно пытались сдержать гниющую орду, но это был неравный бой. Они были в меньшинстве и окружены. Доран мог позволить себе большие потери, а люди – нет. Резня была ужасной, но воины стояли на смерть, тут же добивая тела своих павших товарищей. Которые вновь и вновь поднимались силами некроманта.

Несколько башен были все еще целы и на данный момент вели стрельбу по уродливым тварям. Но Зигмар, там было так много этих проклятых мертвецов, каждое из них сеяло непередаваемый ужас. Воздух был наполнен криками и утробным воем. Барон почувствовал панику и отчаяние, которые пытались овладеть им, и безжалостно подавил эти опасные чувства. Они сейчас ему не помогут; даже гнев не поможет ему сейчас.

В этой безумной пляске смерти никто и не заметил, как отряд гномов, под предводительством Торвальда Молотобойца уже прокрался к расположенным неподалеку повозкам и стал быстро вооружаться оружием и доспехами предков. Эти громриловые латы были нечто большим чем просто доспех, их ковали в стародавние времена, а руны вырезали мастера не знающие себе равных в этом деле. Наследство предков обладало великой силой.

Отбившись от нескольких, особо яростно наступавших скелетов, барон вдруг обернулся, услышав знакомый грубый голос. В то миг он увидел, как Торвальд облаченный в сверкающий рунный доспех, вырвал свой молот у одного из ополченцев и с лёгкостью отшвырнул парнишку подальше. Но не убил.

— Это моё! — фыркнул гном. — Молот умги не игрушка.

Фридрих достал из-за пояса пистоль и направил на гнома, на что подгорная братья лишь

расхохоталась. Торвальд смёл налетевшего мертвеца словно назойливую муху, а после, ещё смеясь, он обратился к барону:

— Теперь, мы облачены в доспехи наших предков. Опустит, это подобие оружия, пока не поранился от рикошета! — прокричал Торвальд, сиюсь перекрыть грохот пушечных залпов, лязг мечей о щиты и крики боли. — Я напомню тебе, умги, что "огнестрел", тоже подарок наших предков твоему народу! Опустит его, сейчас же! — требовательным тоном повторил гном.

Многие ещё сражались и, несомненно, гибли. Оставшиеся внутри люди кричали и сражались всем, чем только можно было защитить себя: косами, вилами и даже останками мертвецов. Больше половины ополченцев валялись мёртвыми или умирающими, а численность орды Дорана почти не убывала. Разве у него есть выбор?

Барон опустил пистоль как раз в тот момент, когда камень со свистом пронёсся над ним и пробил огромную дыру в стене главной цитадели.

— Ты хитёр, мистер гном! — ответил он невозмутимо. — Но тебе некуда бежать, оглянись, твой побег ничего не изменит!

— Разве я похож на того, кто собирается бежать? Я и мои воины, мы дадим шанс твоим людям в этой обречённой битве, не смотря на то, что ты кусок дерьма гроби!

— Я не знаю, что ты задумал, но если ты сумеешь спасти мой замок, клянусь Зигмаром ты получишь не только свое добро, но и вечную дружбу чего бы мне это не стоило!

Гном кивнул и крепче сжал молот.

— Открывай ворота! Мы покажем вам, умги, как дерутся настоящие воины!

— Ну что же, ладно, — вздохнул барон, повернулся к привратникам и начал выкрикивать приказы.

Гномы построились непробиваемой громриловой стеной и стали ударять о щиты своим могучим оружием. Они ждали когда откроются врата и оттуда хлынет неудержимая лавина смерти. Люди не смотря на бесконечную битву с ужасом, смотрели, как отряд безумных гномов идёт на верную смерть.

— Барон! — заорал Форд, он всё ещё был жив, хоть и измазан в чужой и своей крови. — Это безумие!

— Безумнее лишь люди, малец! — ответил Торвальд. — Люди, которые не дают покоя своим мертвецам! И стало быть наказывать эту тварь придётся нам...

В это мгновение ворота с скрипом распахнулись и во внутренний двор одной из самых могучих крепостей Порубежья хлынула смерть. Неудержимая, бесстрашная, она налетела на щиты гномов и была тут же отброшена мощными ударами. Волна за волной разбивалась о скалы, забрызгав гнилью древний доспех.

— Вперёд! — скомандовал Торвальд сметая сияющим молотом за раз по дюжине скелетов. — Вперёд, сыны Грунгни! Не посралим предков перед людьми!

И они пошли, медленно, но верно, словно лавина с Вечных гор. И да не забудет летопись и память человеческая тот день, когда храбрость и твердость дави, деянием своим воодушевила людей устремиться в бой единым кругом и целью отвергая смерть. Ради уничтожения обезумевшей твари. Ради великой мести над осквернителем Дораном.

И заиграли трубы на стенах, подбадривая воинов сражаться с новой силой. С именем Грунгни на устах, благословенные предками воины засияли и вспыхнули от могущественных рун, а оружие их раскалилось до бела и передалась та сила и людям. А после одним сияющим кольцом они уверенно пошли вперёд, все больше окружаемые врагами.

— Дайте ещё! Дайте больше! — кричали гномы.

— Не думал, что так легко косить их ряды! — прорычал Бьёри. — Давай ещё! Руби их парни!

Доран метался на коне с презрительной ухмылкой. Он знал, что не смотря на то, что гномы хоть и выкашивают его войско целыми рядами, а в их поступи была уверенность, так или иначе мертвецы сделают свое дело. Вот-вот живые устанут и придет их конец!

И когда некромант был совсем близко, так и случилось.

Мертвые все больше и больше валились на щиты. Они дёргали, старались прорвать непробиваемую стену, а люди, что находились в гномьем кольце, уже с трудом поднимали мечи и алебарды. Даже замок почти не издавал стрельбы и вскоре, и он не сможет сражаться. А после кольцо застыло на месте.

Доран хохотал как безумец. Он решил подъехать ближе, чтобы увидеть как его детище вот-вот разорвет гномов на части и редкие выстрелы с кольца, были не в силах преодолеть его темную нескончаемую магию. Наоборот, она росла и чернела в такт его безумству!

И вот тогда, кольцо раскрылось мощным толчком. Хоть и усталый до невозможности, Торвальд таки управился бить молотом ровно и быстро. С новыми силами Молотобоец стал крошить черепа рунным молотом Адриана, прибывая врага к земле, а других и вовсе пачками отправлять в воздух. Казалось вот-вот молот рока доберется до некроманта и покончит с врагом. Но и этому не суждено было сбыться.

Некромант направил посох на гнома. Лишь чудом Торвальд сумел отбить молотом зелёную сферу, а после лишившись остатков сил, рухнул на колени.

— Ну как тебе? — всё ещё смеясь спросил Доран, с дьявольским огнем в глазах. Мертвецы медленно окружали героя.

Он наслаждался тем, как гном все больше лишался сил, а после и вовсе взорвался хохотом, когда Торвальд неудачно метнул молот за спину некроманта и рухнул на колени обессилевший.

— О да, — выдохнул он, с насмешкой. — Это заклинание отнимет все силы, а после отделит мясо от костей и подарит мне твою душу. А пока ты будешь умирать, я буду наслаждаться смертью твоих друзей! Ещё одна не вычеркнутая обида...

Под слоем грязи и крови, покрывавшим лицо Торвальда, проступила бледность, но он по-прежнему твёрдо смотрел в глаза Дорану.

— Я... вынужден тебя... огорчить, — с трудом произнёс Торвальд улыбнувшись. — Боюсь у нас нет времени на таких слабаков, как ты...

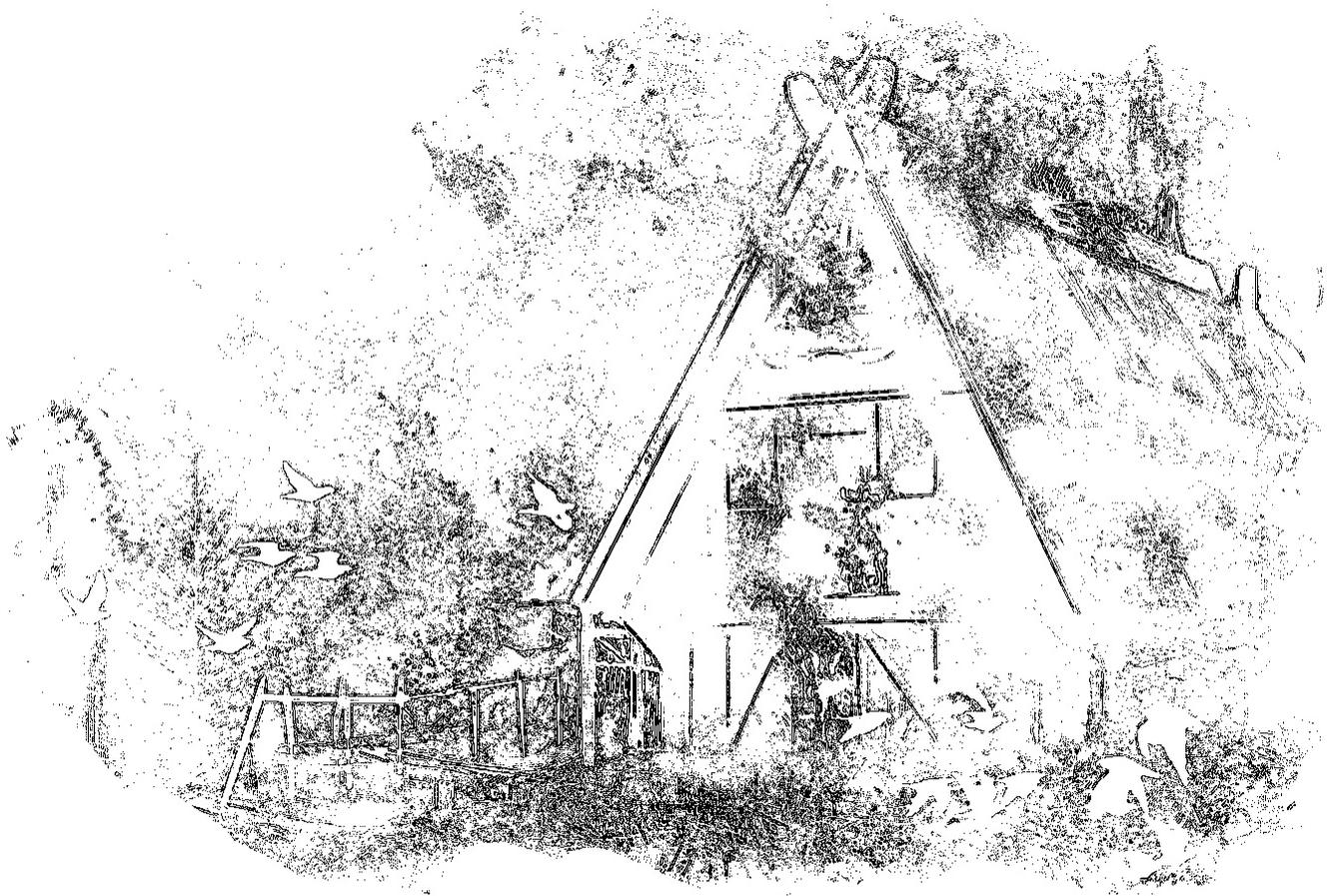
Если бы не чрезмерная самовлюблённость и вера в свою бессмертную судьбу, Доран бы почувствовал, как нечто за его спиной подняло молот Адриана, а после, с прыжка, разможило его череп. Покрыв остатками мозгов громриловы доспехи Торвальда.

Фирд материализовался в тот момент, когда Доран рухнул с лошади на землю, а с того места, где мгновение назад была голова, неудержимо изливался красный поток крови.

Мертвые в Старом Свете не всегда обретают покой. Те, кого призвали вампиры и некроманты, лишаются собственных желаний и служат лишь воле своих хозяев. Его великое войско с визгом и треском распалось, навсегда, лишённое темных сил некроманта.

Наконец-то всё закончилось.

— Ты ошибаешься, человек, — произнёс Фирд, сощурившись, и сплюнул презрительно на труп. Гномы — всегда найдут выход отомстить...

"После говорили, что земля в окрестностях замка изменилась. Казалось, даже сам воздух стал чище, а небеса впервые за долгие годы мрака и дождей залил иссиний чистейшей цвет.

Но многие бывалые торговцы, те, что следуют опасными тропами от Мариенбурга через Черные горы к перевалам Черного огня, говорят о необычном явлении невиданной красоты, о прекрасных полях красных роз в окрестностях Розенрота"...

— легенды Старого Света "Порубежье"

Фридрих спустился по каменной лестнице во внутренний двор и заметил что дождь наконец прекратился. Шлёпая по лужам, к нему подбежал сержант Форд.

— Докладывай, — потребовал Вайн, окидывая двор внимательным взглядом.

— Мы защитили замок, сэр, — объявил сержант. Он был весь изранен, но его лицо сияло от восторга, а глаза горели задором. — Я уже распорядился отправить весточку в дальний пост за подкреплением. Мы уже справились с остатками мутантов, которые не распались после смерти некроманта. Вытащили из тёмных углов всех, кто пытался спрятаться. Женщины и их дети целы и невредимы.

Фридрих видел, что его воины взялись собирать убитых и помогать раненных после этой кровавой бойни, другие сидели в грязи, с пустотой уставившись на своих, наконец мертвых захватчиков. Барон отметил, что его воины держались больше чем он мог себе представить и даже местами улыбались хоть это, явно давалось им с трудом.

В те времена, когда молодость "пистольера" бурлила жестокостью и боевым азартом он натворил слишком много ошибок. Проявил ненависть даже к тем, кого должен был защищать и беречь среди хаоса Старого света. Вместе с другими он насиловал, грабил и убивал, а теперь, по воле судьбы ему помогли те, кого он взял в плен. И теперь поистине знал, что заготовил для него Зигмар.

— Приготовь повозки. Гномы возвращаются домой.

Форд поспешил исполнить приказ. Фридрих неторопливо прошёлся от одной группы воинов к другой. А после подошёл отряд гномов и храбрецов, что сражались с ними плечом к плечу и, барон, вздохнув, решился начать разговор. Предвидел: нелегкий он будет и неприятный. Но ведь надо, куда деваться.

Перед ним стояли воины, настоящие воины Караз-Анкора. Эти тридцать три богатыря были закованы в латы, испачканы грязью и гнилью, а также изрядно воняли и, им ужасно хотелось выпить.

Торвальд вышел вперёд, поддерживая одного из умги, который проделал путь от врат до некроманта но не сдался. Его тут же подхватили женщины, которые уже вовсю принялись врачевать по всему замку.

— Воистину предки даруют нам свое благословение! — вскрикнул Торвальд. — Я знал, что ты можешь пасть сегодня, но не рассчитывал на подобное везение - что смогу лично прикончить тебя!

Фридрих поднял с усилием отяжелевшую голову, заставил себя посмотреть на гнома.

— Я думал, — начал он, — ты для начала убьешь меня, прежде чем говорить.

Да. Именно этого хотелось каждому гному. Но даже в каменных сердцах, тех, кто питает слабость к обидам и своему добру, есть жилка любви и понимания.

Что барон мог сделать? Он — всеголишь предводитель людей и связан клятвой верности. Как и на Торвальде, на нем ответственность, и от нее не убежать.

— Клянусь бородой, люди — никудышные пивовары, — глухо проговорил Фирд.

— Да, и пушки у вас дерьмо, — заключил Хирд.

— Но если среди умги и есть храбрые воины и, доброе пиво, — молвил Молотобоец, — то оно здесь, в Порубежье.

— Лучше живым быть, нежели мертвым — живой наживает! — сказал Бьёри и сам удивился своим словам.

Барон улыбнулся и кивнул.

— Уже отдано распоряжение вернуть всё награбленное и впрячь повозки лошадьми.

Торвальд осмотрелся на окружающую разруху, взглянул и на женщин, что обнимают убитых мужей омывая их лица слезами. Знал, как и любой гном в его отряде как это, терять близких и чего может стоить вернуть былую жизнь.

Он хмуро взглянул на друзей. На лице воинов отразилось сочувствие, смешанное с одобрением.

Торвальд медленно поднял свой огромный боевой молот.

— Клянусь наследием наших предков, по доброй воле мы оставляем большую часть драгоценностей твоим людям, барон. Многие сегодня уснули вечным сном, немало вы сложите погребальных костров. Сокровища нужны вам не менее чем нам. Но моему народу нужна еда, вся еда что вы можете себе позволить. В таком случае, обида будет отомщена.

— Щедрость от гнома?

— Щедрость радует богов — и меня.

Барон кивнул понимающе, а после взглянул на пистоль, который не выпускал из рук. В сотый раз обратив внимание на гравировку, что гласила: «*Кровь себя проявит*».

— Признаю, гномы знают толк в войне, это точно. Былой союз людей с вашим народом, лучшее, что знала Империя за свою историю и надеюсь нынешний Император задумается об этом. А я уже всё решил для себя..

— Настало время нового союза, человек.

Барон протянул руку в кожаной перчатке и её пожала гномья громриловая сталь.

Когда брели по взмокшей от росы траве мимо громадных холмов, к огромным теням гор Карак-Азума, Торвальд был мрачен и молчалив, как и весь его отряд. Теперь доспехи и оружие, а также половина сокровищ гробницы — вновь в руках гномов. Но прошло почти два дня после битвы и в целом более недели скитаний.. В конце концов, слишком долго они отсутствовали не смотря на скарб, что везли с собой.

Они торопились.

У Торвальда всегда было острое чутье, а теперь, когда он, наконец, приближался к Карак-Азуму, оно обострилось ещё больше. Именно такие чуткие воины как Торвальд и сумели хоть как-то противостоять тем силам, что ворвались в чертоги много лет назад. Именно благодаря таким как он у многих женщин и детей появился шанс покинуть Восемь Пиков и волочить бедную, но всё-таки жизнь. Жизнь с надеждой на будущее...

«Хаакам.. ты ведь мудрый Долгобород, сумеешь ли ты продержаться до нашего прибытия?»

Торвальд смотрел вслед удаляющимся холмам, а на сердце становилось все тяжелее. Правильно ли они поступили, что покинули деревню? А как было иначе?

Иногда молот Адриана говорил с ним. Шептал, о правильном поступке, внушая хоть на время в душу покой.

"Ты не в силах отвергнуть своё решение и ведомую судьбу, Торвальд сын Восьми Пиков", — голос его лился уверенно хоть и слышались в нем ноты жалости к воину. — "Путь тех, кто ведёт за собой народ к будущему или краху не бывает лёгким. Для одних он тяжёлый всю дорогу, для других лишь в конце, но ужасен. Поэтому, ступай уверенно, чтобы не случилось, уверенный в цели, в дружбе с судьбой"...

— Уверенный в цели. — Тихо пробормотал Торвальд. — Любой ценой.

Наконец достигли плоского дна долины, откуда и начался нелегкий путь в Порубежье. Ступив на пустынную землю, Торвальд чуть расслабился, улыбнулся даже. Пришли приятные воспоминания о том дне, когда, наконец, набрёл на деревню где ему дали отпор, и как был рад знакомству с Хаакамом. Сейчас уже, спустя дни опыта предводителя, ясно: хоть и воображал тогда невесть что, а всё-таки идущий осилит дорогу.

Вспомнил и то, как впервые взял в руки молот, вспомнил службу среди палат королей, одиночество скитальца, когда отзывалась в душе былая скорбь, и долгий путь среди теней.

Пока шли, солнце окрасило горизонт алым, затем — густо-кровавым, пурпурным... Дурные знаки.

Вскоре он понял — на то была горькая причина.

У него перехватило дыхание. Он был смят и раздавлен увиденным, тем хаосом, что царил вокруг. Торвальд запрокинул голову и выкрикнул в небо, предкам, свое отчаяние.

Черный дым горящей деревни и зловония битвы навис низко над землёй. Торвальд носился среди россыпи трупов, почти все — орки, но тут и там среди зелёных тел виднелось

темное пятно — павший гном. Большую часть погибших Торвальд не знал, хоть и узнал герб Странствующих гильдий, которые, видимо, присоединились к деревне позже..

Он опоздал. На глаза навернулись слезы — и они на мгновение милостиво скрыли, размыли, сделали все нечетким.

И всё-таки.. где остальные? Неужели твари свершили свои ужасные издѣвки и насадили где нибудь на кол жителей деревни? Или увели с собой, в плен? И зачастую, как знает каждый гном, это — хуже страшной смерти!

С усилием открыв глаза, он увидел бледные туманные фигуры и тут же, с яростью вознёс свой молот, а после, удивленный, опустил...

До прибытия...

10. Передовые отряды Зеленокожих атаковали наш оплот. Мы успешно отбили нападавших, однако они продолжают пытаться пробить наши укрепления. За это деяние мы будем искать расплаты...

Однако... времени больше нет...

Нет, это уже был не камень, а настоящая лавина.

Клан за кланом, гном за гномом вступали в ряды Объединенных кланов и число его росло на глазах. Только сейчас Хаакам понял, сколько гномов скрывалось в тени Карак-Азума и сколько ещё кланов блуждают по земле, разрозненных и бессильных.

Все они ждут лишь знак, зов, который смог бы сплотить великое войско и наконец сбросить оковы страха и отчаяния. И пусть гномы Карак-Азума слабы, а большая часть из них женщины и дети, всё-таки общее дело вернуло в гномах дух воина и желание отомщения, даже если тот кто их собрал так и не вернулся с похода. Теперь, не смотря на слабость гномы готовы сражаться на смерть, но как народ камня, единый народ..

Когда орки напали на Кил-Азар первый раз, гномы были готовы. Все проходы в ущелья перекрыли баррикады, где более вооруженные гномы уже сдерживали зелёную силу. Орки все напирали, тут и там являясь из ущелий, но не один так и не смог пробить стену щитов.

Хаакам, как избранный из числа Долгобородов, приказал большей части сил сойтись у восточной части гор, и за последние несколько дней гномы, вступившие в Объединенные кланы, потихоньку собирались и становились лагерем в окрестностях, чтобы возводить укрепления и готовиться. Все подчинились приказу подготовиться к битве, он надеялся задержать орду зеленокожих, чтобы когда придет час смерти дети и женщины могли отступить, а воины храбро погибли продав свои жизни подороже. Уже никто не верил в возвращение Торвальда, да и какой смысл? Ведь армия орков была так велика, что для битвы с ними нужна настоящая армия гномов, а не этот сброд. Весточка, отправленная королям Вечных гор так и не была услышана или попросту им никто не сможет помочь...

"Никто не придёт или не успеют", — вздохнув подумал Хаакам. — "Так тому и быть".

А после, пришли другие, безумные орки, они стали сильнее и злее, а глаза их пылали адским огнем. Рассказы рейнджеров свидетельствовали о куда горше, чем крушение надежд, — о новом оружии, превосходящем простую сталь: заколдованном, чёрном, как и плоть тех кто его нёс. Говорили о магии, причинявших неистовую боль, о муках, далеко превосходивших ранее насылаемое шаманами "**Вааагха**". Говорили об огромном орке... чья

магия вызывала муку и рождалась от него.

Он разнёс передовые посты так легко, что гномы вновь бежали в ужасе и страхе и, лишь немногим удалось добраться до Кил-Азара живыми. Там их встретил Хаакам с небольшим отрядом гильдии. Они остались, когда основное войско отступило на восток. Вместе они решили стоять на смерть и дать шанс востоку укрепиться...

Роль Долгоборода — учить младших и мстить за обиды до конца. Они стояли на скальном выступе прямо над подступом к деревне. Дюжины воинов ожидали с арбалетами и топорами наготове, с ружьями на плечах. Много дней воины потратили, подкатывая, располагая поудобнее валуны у обрывов. По одному слову Хаакама огромные камни обрушатся на головы орков. В этот прекрасный осенний день гора повсюду грозила смертью, как и то, что надвигалось на неё.

Вот дальние группы уже вышли, широко раскинулась волна разукрашенных и рычащих орков. Нет, не было среди них их вождя, да и "черных" не видно... Скорее сильные решили отдохнуть, послали глупцов в авангард, не нужных, "зелёных".

Хаакам и Торстен не стали прятаться. Они смотрели твердо как и весь их отряд, и даже беглецы вновь наполнились духом.

Старик глянул внимательно и сурово.

— Сегодня или завтра — но мы умрём — объявил Хаакам. — Пришёл и наш час отправится к предкам. Но до тех пор мы будем сражаться, чтобы каждый из нас стал для других примером!

Торстен приказал выкатить дубовые бочки его гильдии к барикадам, а после каждому позволил испить из них.

Поднеся кружку к губам, он втянул густой аромат традиционного гномьего пива. Оно мягко потекло в желудок, и Торстен почувствовал, как все его тревоги по поводу сражения растаяли.

— Пейте, парни! — прогрохотал он восхищаясь ароматом пенного напитка. — Нет места страху в сердце гнома, как и нет места для гроби на этой земле!

Воины вытянулись в струнку, слушая приказ, затем, поколебавшись немного, подняли щиты и приготовились к бою.

— Благослови своих воинов, Валайя, — прошептал Хаакам, — ниспошли им мужество и силу...

Спустя двенадцать часов Хаакам стоял на границе, ведущей к ущелью Звериных Черепов. От вонючей кружилась голова. Уже знакомый запах крови орков, смердение мочи и кала, отвратительный запах предсмертного страха. А еще этот дым — все что осталось и от нового дома....

Их осталось пятеро и, Торстен погиб. Перед смертью забрав с собой в могилу множество орков.

Потом Долгобород дрожащей рукой вытянул флягу, прильнул губами к горлышку, дабы прополоскать рот. Станный, будто исполненный скорби крик заставил его поперхнуться и выплюнуть жидкость. А вот и шаги раздались вдали и тени впереди, словно смерть крадутся, теперь не рычат недоноски, боятся! Хаакам поднял топор, ведь и пуль давно не осталось, а значит умрет достойно, как гном, с оружием в руках.

Хотел было издать боевой клич и замер, мгновенно. Слезы покатались по морщинистым щекам, впитались в бороду. Хаакам оплакивал потерю столь многих жизней, но одновременно Долгобород гномов чувствовал, как зародилась, колыхнулась в сердце

Новая надежда.

Мой сын, народ ждёт решений. Ждёт, что щитом станешь ты, когда я уйду.— из эпической поэмы «Рассказ о Моргриме»

11. Великая радость! Торвальд и его воины вернулись. Многие гроби теперь поплатятся за обиды!

С горестью я должен записать о смерти Торстена главы Странствующей гильдии. Хотя свыше тридцати орков лежало у его ног, втрое больше мы положим в отмщение и за всех его погибших воинов.

С падением Кил-Азара нам требуется отступить на восток, к нашим родичам, что уже всюду строят укрепления для решающей битвы. Сегодня, наши воины облачатся в доспехи из сокровищницы Адриана. Даже если нам суждено сегодня пасть, наши дети и женщины спасены от смерти!

Да поможет нам Грунгни, если не выжить, так пробудить сердца гномов, которые закрылись в вечном царстве нашего народа... Под горами и перевалами Караз Анкора...

Пока отряд торопился на восток, Хаакаму пришлось поведать о случившемся вкратце. Рассказал о торговой гильдии, множестве гномов, о рейнджерах: небольшой армии укрепляющейся на востоке. И, какая сила идёт на них, — ужасном противнике и их вожаке.

В то время Торвальду пришлось не раз взмахнуть молотом и показать Хаакам оружие предков в деле. Армия гроби следовала по пятам. Дикае волки и свирепые секачи — вечные спутники гроби — часто нагоняли отряд пока они следовали по ущелью. Как не пытался враг уничтожить повозки, настигая отряд верхом, как тут же в ужасе бежал от крепких бронеломов.

"Эх, как жаль", — печалился Бьёри, оборачиваясь на дохлых кабанов. — "Такие яства пропадают".

— Пойдем парень, — сказал Хирд и похлопал парня по латному плечу. — Там позади

их ещё вдоволь.

И был как никогда прав.

Ущелье плавно вывело отряд на каменистое поле, а за ним к плоскогорью, где и окопались остальные гномы. Место сбора назначили у древних стоячих камней. Когда Торвальд привел свой отряд, он обнаружил, что у подножия горы уже сгрудились десятки палаток. Шатались часовые, кто-то только разбираал снаряжение, другие разжигали костры. Вокруг развиваются истерзанные временем боевые штандарты. Баррикады же выстроились лицом по направлению к ущелью.

Многие тут же побросали кирки, часовые насторожились, наблюдая как приближается дюжина повозок, но огонь открывать не стали.

— Орочья печёнка! — заорал кто-то с баррикад. — Неужто это ты, Хаакам?

— Я рад, что ты облачился в доспех почтенный Снорри! — откликнулся долгобород, — Я ведь обещал тебе достойную смерть!

Торвальд не верил своим глазам.

Сотни плоток заорали радостно, войско Торвальд восхваляли в большей степени неизвестного им гнома. Даже отряд захватил общий азарт, ожидание новой битвы, как любят гномы, одной стеной, пусть умереть во благо народа! Может, и зря тревожился, может, это и вправду судьба предназначенная богами? И, как все гномы, он желал отомстить за обиды.

С надеждой в сердце и молотом в руке Торвальд следовал к баррикадам, к месту, где суждено умереть.

Но перед тем как встретить своё воинство, он подозвал Хирда, Фирда и Бьёри...

— Не спорьте и ничего не просите, — сказал он. — Для вас у меня особо важная задача...

Орга поставил лагерь на развалинах Кил-Азара и уселся вдалеке, поразмышлять в одиночку.

Множество зеленокожих принялось рыскать в округе, принялись всё крошить, пытаюсь утолить жажду битвы. Его орки теперь сильнее, кровожаднее, всего лишь за неделю вождь обрёл знания, о которых любой орк может лишь мечтать — если конечно вообще может мечтать.

Несколько дней назад он призвал все банды, промышляющие в окрестностях, вступить в его армию, посулив хорошую добычу.

Огромный и могучий воевода взобрался на скалу, чтобы каждый в этом зелёном море ярости мог взглянуть на своего вожака. Его глаза пылали красным, а тело неестественно возросло в размерах. И даже те кто мог бы ему возразить тут же затыкали рты, при виде личной охраны вождя.

Первый среди равных!

"Черные пацаны," — Оргга реготнул.

Да, он сумел привлечь несколько дюжин этих ребят в свою банду, ведь они любят силу, а у Орги теперь она есть.

Чёрные презрительно относятся к остальным зеленокожим, а в особенности к гоблинам, которые стремятся быстрее сбежать с поля боя вместо того, чтобы спокойно стоять и сражаться. В сражениях чёрные орки постоянно приглядывают за порядком в

строю, и стоит только одному из них бросить угрюмый взгляд или издать хриплый рык, чтобы меньшие зеленокожие сразу же выстроились. Если этого оказывается недостаточным, то чёрные орки вполне охотно могут наброситься и разбить несколько голов друг о дружку, и тем самым восстановить порядок – лучший способ из-за ничтожной стоимости жизней провинившихся.

В бою они предпочитают выбирать себе достойного противника, чтобы в полной мере продемонстрировать свои способности и силу, при этом предпочитают чаще драться оружием сразу в двух руках, чем нести щиты, что даёт им возможность наносить намного больше ущерба противнику. Возможно из-за этого их желания всегда быть в гуще битвы.

Их так мало и они обычно составляют правящий клан большого племени орков, а не своё собственное племя. Даже племена, в которых нет чёрных орков, зачастую возглавляет воеводы из их числа, чему другие зеленокожие даже рады!

Орга был рад своим братьям и хотел доказать свое превосходство. Убийцы, вооруженные огромными топорами, жаждали, чтобы их брат сказал этим "зелёным" нужные слова.

Он глянул внимательно и сурово.

— Еда, блестяшки, добыча — и драка для тех, кто пойдет за мной! — Орга призывал, уверенно, страстно. — Скальпы гномов под той горой! Убьем коротышек!

И ведь не ошибся ничуть: множество глаз уставились на воеводу, и читались в них ярость и жадность.

И работа пошла!

Прежде всего следовало отвлечь и занять безумное войско. Орга понимал: еды не хватает, убивать некого, не на кого выплеснуть кипящую, неутолимую жажду. Орки неизбежно начнут убивать друг друга. Но теперь, он знает наверняка куда их вести и всё благодаря этому голосу...

Голос шептал ему заклинания из древних книг. Орга неоднократно грабил башни магов и логово некроманта в центральном Порубежье, и не смотря на всю свою твердолобость всё-таки оказался достаточно умным, чтобы понять лёгкие разрушительные заклинания и при этом, почуять довольно знакомый запах...

Он называл их просто — "мертвяки". На деле же не понимал разницу между некромантом и вампиром, и понимать не хотел. Дохлые люди, это — возможность лишней раз помахать рубилом, тем более, с ними куда веселее, ведь они недохнут сразу и над ними можно долго издеваться и выделять всякие "штуки". Что насчёт их повелителей.. ну они через мерно болтливые и считают себя выше Орги.

Зря. Отрубленная болтливая голова, ещё долго доставляет вожаку удовольствие.

"Убей гномов! Следуй моему плану орк"! — вновь раздался голос.

Было в нём что-то знакомое и неправильное. Конечно Горк и Морк властны над орками и вправе требовать послушания..

Однако, однако...

"Выступай прямо сейчас! Делай что тебе говорят! Убей гномов!"

Он почувствовал вновь это присутствие, смрад, ощущал даже спиной. А после рубанул наотмашь с разворота.

Существо словно ветер ушло от удара, пусть ему это стоило сил. А после материализовалось неподалёку, лёжа на земле.

На великана смотрели мертвые глаза вампира. Лик его резко стал меняться, обретая

истинную ужасную форму: зрачки стали красными, кровавыми, а пасть растянулась обнажая острые длинные клыки. Тварь зашипела.

— Дохляк.. — прорычал вожак. — Мершкий дохляк шпрятался за Оргай и думал, Што я его не учую!

Орга зарычал и потянулся за вторым рубилом.

— Мерзкий дикарь! Ты чуть не убил меня! — прошипел вампир властным голосом.

— Я раздавлю тебя! Вырву твои жубы и размаху об камень башку! Вот што я с тобой жделаю!

Орк бросился на вампира, но последний вновь исчез, растворился во тьме.

— Я научил тебя силе, дикарь! — казалось голос слышится отовсюду. Оргга притих, слушая мертвеца. — Благодаря мне, ты ведёшь могучее войско на гномов. На тех, кто создал твое чёрное племя! Забыл ли ты, раб, кто создал твою расу? Забыл свою роль? Подчинись мне!

Огга жил на свете давно. Как и любой чёрный орк, он с рождения знал, кого ненавидеть.

Происхождение чёрных орков окутано тайной, но некоторые уверяют, что много лет назад колдуны гномов Хаоса озаботились проблемой выведения собственной породы орков, расы рабов, которая могла бы работать на самых тяжёлых и опасных уголках их империи. Гномы уже имели тысячи рабов среди зеленокожих, но они были чрезвычайно непослушными и неэффективными, так как часто ссорились между собой. Используя тёмную магию и тщательную селекцию, колдунам вскоре удалось вывести новую расу орков, более сильную, лояльную и не подверженную постоянным внутренним распрям. Так была создана раса чёрных орков.

Вначале казалось, что эксперимент удался, но вскоре гномы осознали, что их творения намного более жестокие и независимо мыслящие, чем полагается быть хорошим рабам. Простые орки и гоблины были постоянно заняты внутренними распрями и даже не думали об организованном сопротивлении своим угнетателям, в то время как чёрные орки были наоборот слишком дисциплинированы и вскоре смогли подтолкнуть других к восстанию. После того, как волны мятежа прошли по всем поселениям и чуть не разрушили город Жарр-Наггруд, гномы Хаоса решили беспощадно уничтожить свои создания и с чрезвычайной жестокостью «зачистили» от них свои города. Многие из чёрных орков, спасаясь от гнева своих творцов, бежали в горы Скорби или же, пересекая Тёмные земли, скрылись в Краесветных горах. Множество чёрных орков было уничтожено, но некоторым племенам всё же была оставлена жизнь и свобода, чтобы впоследствии они могли послужить наёмниками в рядах армий гномов Хаоса. Но в большей степени Орки их ненавидели, даже больше чем обычных коротышек.

— Не-е-ет! — Вопль сам по себе вырвался из Оргиного горла.

На мгновение его охватила ярость, слепая и лютая. Он принялся безумно размахивать топорами, но лезвия так и не достигли плоти. Внезапно он остановился, и тяжело дыша сказал:

— Огга не раб.. Огга Чёрный! Глупый дохляк много болтает!

Ещё давно вожак приметил странные следы и они всегда были рядом с ним, когда голос шептал ему знания на ухо. Он лишь выжидал момент, убедиться, что рядом скрывается крыса и оказался прав.

И теперь, пока вампиру казалось будто орк в своей ярости поддастся его влиянию,

хитрый вождь заметил новый след. Он яростно зарычал, топнул ногой и выпустил в пустоту заряд зелёного пламени. Тут же прикрыв лицо рукой от изумрудной волны.

Вампир вновь оказался на земле. Обессилевший, он безуспешно старался подняться и отступить от медленно наступающего великана.

— Глупец! Без моей помощи тебе не достичь величия! — злобно процедил вампир.

— Орга сильный, орки его слушают! Зелёным не нужны дохляки, зелёным никто не нужен!

В два прыжка он оказался рядом, занёс топоры для решающего удара и два клинка со всей силы врезались в землю разбрасывая щебень. Вампир вновь сумел скрыться.

За спиной Орга послышался топот охраны, которая уже вовсю неслась на крики.

— Что такое?! — заорали здоровяка размахивая факелами.

Орга зарычал тихо и мрачно. Обернулся к своей охране. Нужно держать себя в руках. Тварь ушла, значит он сильнее. Значит и вправду пора убивать...

— Поднимай всех! Мы идём убивать! Вааагх!!!

Глава 11 Гнолленгром (Уважение)

Братья-гномы, я вижу проклятых орков! Своим присутствием они оскверняют наши горы! Даммаз Крон, наша Великая Книга Обид, полна записей о злодействах зеленокожих! Берите мечи и топоры! Не щадите орков и гоблинов! — Торgrim Злопамятный

Говорят в тот день размытые теплые оттенки дня растворились в холоде синевы и пурпура. Небо внезапно сделалось серым, и над битвой навис морозящий дождь.

Вороны Грунгни шумно расселись на скалах, встопорщили перья, наблюдая. Чтобы боги и предки, восседая в чертогах, не пропустили сию битву. В бессмертных кругах поговаривали, будто братья близнецы – Горк и Морк – также не сводили взгляда, оставив на время свою вражду.

Звучали боевые песни. Гремели барабаны; скрип массивных боевых орудий – как зеленокожих, так и гномов – также создавал свой собственный, неповторимый ритм.

Орки шли к своей следующей цели, гордые своей численностью и мощью, бесхитростно крича о своем приближении во время марша на восток. Вражья стая растелилась стеной, огромным числом и грохотом растекаясь из ущелья. Дикари из Пустынных степей раскрашенные в синий, гоблины налётчики, черные громилы — из широких ноздрей валил пар, а тела их грозно вздымались от бурлящей крови.

Орки ждали.

Орга даже вонзил топоры в землю и жестом велел всем стоять. Чёрные выступили слегка вперёд, чтобы каждый пацан помнил кто тут отдаёт приказы.

Несомненно все они жаждали скорее вырвать свою победу, ведь на четыре сотни храбрых гномов приходилось в четыре, а то и пять раз больше гроби. Но зеленокожие и сами притихли перед боем.

Таков их странный обычай.

Пожалуй, единственная странность в их непредсказуемом поведении, это привычка выслушать речь противника, в особенности гномов. Многие считают, что орки таким способом насмежаются, но есть и те, кто думает будто зеленокожая раса может проявить уважение, к таким же безумцам, которые знают лишь бесконечный хаос войны. Сами же речь не произносили, а чаще раздавалось незамысловатое бунтарское слово, значение которого понимали только зеленокожие.

Воевода орков был далеко не Скарсник. Привычки гроби были предсказуемы, как движение светил. Конечно последователи Морка, гоблины, обладали способностью к хитроумным планам, но этот орк поведёт войско лоб в лоб ради хорошей драки, во славу Горка и характера самих орков.

Торвальд посмотрел наверх как раз вовремя, чтобы почувствовать на щеке первую каплю дождя. Пока он скитался по Старому свету, дождь стал верным другом, он всегда приходил в тяжёлые времена, и своей мудростью вносил ясность в голову.

Он стал стучать по латам издавая приятный звон. Гномы вооружились, облачились в доспехи предков, построились шеренгами у баррикад и твердо смотрели на многочисленного противника.

Отряд расступился, пропуская своего командира. Когда Торвальд вышел вперёд, войско взорвалось яростным криком. Многие не знали его, но именно ему суждено вести их на

смерть. И он делает это.

— Я хотел справедливости, — начал он, возвысив голос так, чтобы его слышали все. — И во имя её поступал и буду поступать в дальнейшем.

Торвальд глубоко вздохнул. За спиной у него лежало прошлое, руины, которые совсем недавно были его народом. Перед ним простиралось будущее, море новых свершений — его народ, который обязан восстать вновь и наконец возродить Империю.

— Сметенный на войну хлам земли! Вот что я думаю об этих гроби. От любви к чести мы не заметили хитрых козней врага, но в бою, нас ещё ни один враг неосилил. Так покажем же как сражается настоящая гномья стена! Умрем за новый расцвет Караз-Анкора!

Громopodobный приветственный крик сотряс воздух. Гномы выкатили несколько заряженных пушек и навели мортиру. Торвальд направил молот на врага.

— Боги свидетели, мы славно повоюем! Трубите в рог! Хватайте топоры! А вы молитесь своим подлым богам...

Орга зарычал и глаза его засверкали, вены на толстой шее вздулись, а орки с благоговением взглянули на разъяренного вождя. А затем раздался ужасный звук, сокрушающий барабанные перепонки и заставляющий замирать сердца:

— ВАААГХ!

Устрашающий рев сотен глоток скандировал лишь один вечный, неумолимый — **Вааагх!**

— Огонь! — приказал Торвальд. Пушечный залп с баррикад гномов — и ядра послушно устремились навстречу зелёной волне.

Когда загрохотали пушки, Торвальд даже не дрогнул. Впереди он слышал крики и стоны, и сам устремился к врагу. Он воззвал к духам предков, делясь с ними своей болью, и духи ответили. Руны на доспехах вновь вспыхнули белоснежным пламенем и окрепла засияла гномья рать.

Воевода не собирался защищаться, чтобы выжить и продолжить борьбу, как он говорил Бьёри. Он поступил бы так, если бы Белегар подоспел. Но сейчас... сейчас не было другого выхода. Не было надежды. Только славная смерть в окружении врагов, коих он заберет с собой столько, сколько может. Зеленокожие вспомнят в этот день ярость Молотобойца.

Лавина бросилась на стену, сталь о щит ударяла весь день. Топоры и молоты гномов сверкая плескались в крови врага, доспехи же их, со звоном прогибались от бесчисленных ударов, а порой и тянули вниз обмякшие тела.

Он понятия не имел, что случилось с Хаакамом, Торстеном и прочими членами храброй армии "Гром-грунд". Неправда, горько поправил себя Лорд. Он знал, видел, как некоторые из них встретили свой славный конец. Он мог только надеяться, что Орга и другие чёрные орки составили компанию тем хорошим товарищам по дороге к своим богам.

Орк чувствует себя хорошо лишь в зеленокожей волне бездумно несущейся на врага. Орга быстро растерял интерес к замысловатым чарам. Расплавив несколько тел врага энергией **Ваха!** он яростно взревел. Стоило лишь красный дымке затуманить взор, как яростный клич и частный удар рубил о щиты целиком поглотил счастливого урха.

К закату последний гном бился против последнего орка. Один тяжело дышал и плевался кровью, другой всё рычал и держался за окровавленный бок.

Да, Торвальд был слаб. Но скорости, с которой он взмахнул молотом и нанёс сокрушающий удар, позавидовали бы даже соратники бретонского рыцаря Жиля, как и ловкости того, кто парировал эту встречу со смертью.

Торвальд атаковал.

Могущественный молот вознесся и упал вниз. Но орк не был захвачен врасплох, он пришел в себя как раз вовремя, чтобы отклонить удар. Он метнулся в сторону, его ловкость создала резкий порыв ветра, который растрепал волосы гнома, но не нарушил его равновесия и не снизил его скорость.

Молот ещё раз рухнул на щит, орк отсупил на несколько шагов и тут же рванул вперед, ударил мечом. Клинок со звоном отскочил от оголовья и соперники вновь разошлись обливаясь кровью, а после ослабли и упали без сил...

Торвальд умер не сразу. Он лежал, ловя ртом воздух, и бессильно зажимал пальцами края раны, из которой, пульсируя в такт биению сердца, неудержимо изливался красный поток крови. Взгляд уже тускнеющих глаз гнома обратился на небеса. Из рта у него текла кровь, но, как ни странно, он улыбался.

Никто не знает наверняка, что именно происходило в тот день. Известно лишь то, что случилось после, какие события повлекло за собой мужество гномов Карак-Азума...

12. Сегодня, в день назначенный богами и под присмотром великих предков, мы будем сражаться пока смерть не настигнет последнего из нас. Все мы готовы сложить головы за "Вечное королевство", если того требует новая эпоха расцвета гномов...

Сегодня, мы будем мстить за свои Караки, за все обиды причинённые мерзкими гроби, во имя королей и верховного короля Караз-Анкора!

"Король"... — подумал гном. От этого слова в душе его сделалось пусто, мрачно словно

в самых глубоких, неизведанных пещерах Караков.

Он медленно провел пальцем по последней записи в книге, аккуратно закрыл её, и передал гному-хранителю.

— Отправь вместе с посланием Верховному королю.

— Я все сделаю, Белегар, — ответил гном поклонившись.

Белегар стал вновь внимательно наблюдать, как его воины трудятся над сбором погибших воинов и грузят тела на телеги. В то время, стоящий рядом умги, в поте лица трудился над написанием картины.

— Долго ещё?

— Нет, милорд. Всего пару штрихов! — ответил художник. На лице его отражалось старание, так и печаль от того, что, ему приходится рисовать.

Белегар, как и другие гномы, мало что понимал в рисунках. Гномы чаще пользуются резьбой по дереву и камню, гравировать металл, поэтому столь важное дело пришлось доверить умги. Даже здесь они тугодумы, но, придётся терпеть.

— Я понимаю, вы торопитесь, — не отрываясь сказал парень. — Но если вы хотите донести, то что произошло здесь, я думаю будет лучше потерпеть, великий король.

Король... когда-то он мог назваться столь значимым для гномов словом. Но сейчас.. он король без королевства, а значит не имеет права зваться королём.

Как предводитель клана Ангрунд и прямой потомок короля Лунна, последнего правителя Карака-Восемь-Вершин, лицезревшего падение своей крепости, Белегар Железный Молот унаследовал лишь горечь ненависти и негодования. После того, как крепость, уступавшая в своём величии лишь Караз-а-Караку, подверглась разграблению, отпрыски короля трудились вдали от дома, лишённые и его, и чести. Многие правящие наследники клана Ангрунд пытались вернуть былую славу и отомстить за понесённые обиды. Несмотря на безнадёжность дела, достигнув совершеннолетия, Белегар принёс клятву вернуть принадлежащее ему по праву.

И теперь... теперь, он вознамерился сделать это, чего бы это ему не стоило. Но если сражаться, то всем вместе — как один народ, как скала, до последнего вздоха.

Как те, кто защищал чуждую им гору. Как те, кто бился ради того, чтобы такие как Белегар вновь почувствовали себя гномами!

— Готово, милорд...

Гном взглянул и бросил человеку несколько самоцветов.

— Сделай ещё несколько таких. А эту, — Белегар взглянул на картину, а после на Хранителя, — эту отправишь вместе с книгой в Караз-а-Карак. Напиши Торгриму, напиши ему всё, и скажи — время пришло.

Белегар поколебался мгновение.

— И ещё... погоди... Кто это там?

Вдалеке, по полю брани, среди мертвых гномов и дохлых орков к королю направлялись три гнома. Среди них он отличил двух рейнджеров — они несли тело одного из павших гномов. А вот третий нёс боевой молот, который был схож с молотом Белегара, но был порядком больше и, как казалось древнее.

— Неужели кто-то выжил в этой резне? — спросил король, у подошедших. Рейнджеры бережно опустили тело Торвальда на землю.

Слова эти словно нож прошли по сердцу гномов.

— Нет, король. Мы не участвовали в битве. — ответил Фирд и посмотрел на

бездыханного молотобойца. — По приказу Торвальда из Восьми-Пиков-Карака мы отвели всех женщин и детей на запад, в Порубежье. Земли союзных нам людей.

Белегар все понимал без слов. Та боль, которая поселилась в сердцах этих гномов, веками лишает покоя. Когда ты остался жив, а твои друзья мертвы, нет более всепоглощающей пустоты... Он подошёл и положил руку на плечо опечаленному Бьёри.

— Истинный гном встречает смерть достойно... Крепись, воин! Если твой предводитель так решил, значит только ты заслужил такого доверия. Значит, теперь тебе нести его судьбу. Не посраим же его!

Бьёри поднял взгляд на короля и кивнул, не настолько уверенно как хотел и всё-таки собрался духом.

— Вы можете отправиться с нами. — продолжал король. — Я намереваюсь забрать тела погибших и воздать все почести, как требует обычай. Женщины и дети Карак-Азума будут возвращены в мою крепость. А я... я намереваюсь освободить свое королевство, тем самым не посрамить дело Торвальда, хранителя моего отца...

— Мы будем рядом, мой король, — ответил Бьёри и взглянул на своих товарищей, те одобрительно кивнули. — Мы всегда будем рядом ...

Бьёри посмотрел вокруг и увидел сотни гордых и прекрасных лиц. На их лицах был камень, а сердце как сталь, могучие тела дышали желанием битвы. Он вспомнил вялых созданий коими были гномы Карак-Азума и ощутил почти болезненный прилив счастья, когда понял, что именно благодаря борьбе Торвальда и всех кто участвовал в этом деле они очнулись от спячки. Он был горд своим народом, он был горд быть рядом с Торвальдом.

Он взвесил молот на плечо. Последний раз взглянул на великого Молотобойца и отправился в неизвестность со своими друзьями — с новым предназначением.

После стольких лет поисков себя, он наконец-то знал, в чём его истинное предназначение, и твёрдо знал, кто он такой:

«Бьёри, сын Грунгни... Рейнджер Вечных вершин».

И дом его под звёздами...